

Научная статья

УДК 903.5[(234.853):(252.51)]“636/637”

DOI: 10.32516/2303-9922.2023.48.9

Парные погребения кожумбердынской культурной группы эпохи поздней бронзы Южного Приуралья

Янина Валерьевна Рафикова

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия, ziada@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2393-9366>

Аннотация. В статье анализируется выборка парных разнополых погребений кожумбердынской культурной группы (44), наиболее многочисленная среди алакульских парных погребений Южного Урала и прилегающей к ней территории Западного Казахстана. Все они отнесены к развитому этапу позднего бронзового века (ПБВ 2). Освещены вопросы интерпретации этих погребений в отечественной историографии. Погребения рассмотрены по возрастным группам: взрослых (19), взрослого с подростком (4), подростков (13), подростков с детьми (2) и детей (6). Определены особенности каждой выделенной группы по основным признакам погребального обряда: устройству и локализации могил на погребальной площадке, одновременности и неодновременности их совершения, нарушенности погребений, положению и ориентировке погребенных, а также сопровождающему инвентарю. Сделан вывод о наиболее убедительной интерпретации их как захоронений супружеских (брачных) пар.

Ключевые слова: Южное Приуралье, поздний бронзовый век, алакульская культура, кожумбердынская культурная группа, парные погребения.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01134-23-00 на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов.

Для цитирования: Рафикова Я. В. Парные погребения кожумбердынской культурной группы эпохи поздней бронзы Южного Приуралья // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 4 (48). С. 130—181. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/9_48_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.48.9.

Original article

Paired burials of the Kozhumberdy cultural group of Late Bronze Age in the Southern Urals

Yanina V. Rafikova

Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS, Ufa, Russia, ziada@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2393-9366>

Abstract. The article analyses samples of paired burials of different sexes of the Kozhumberdy cultural group (44) which is the most numerous among Alakul paired burials of the Southern Urals and adjoining territory of Western Kazakhstan. All of them refer to the developed stage of the Late Bronze Age (LBA 2). The issues of interpretation of these burials in Russian historiography are highlighted. The burials are considered by age groups: adults (19), adult with teenager (4), teenagers (13), teenagers and children (2), children (6). The features of each selected group are identified according to the main features of the burial rite: the arrangement and localization of graves on the burial site, the simultaneity or non-simultaneity of their commission, the disturbance of the burials, the position and orientation of the buried, as well as the accompanying grave goods. The author made a conclusion about the most convincing interpretation of them as burials of married couples.

Keywords: the Southern Urals, Late Bronze Age, Alakul culture, Kozhumberdy cultural group, paired burials.

© Рафикова Я. В., 2023

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the state task of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences No. 075-01134-23-00 for 2023 and for the planned period of 2024 and 2025.

For citation: Rafikova Ya. V. Paired burials of the Kozhumberdy cultural group of Late Bronze Age in the Southern Urals. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 4 (48), pp. 130—181. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.48.9>.

Введение

Феномен парных разнополых погребений, где покойники уложены лицом друг к другу, нередко в позе объятий, в культурах лесостепной и степной полосы Евразии эпохи средней и поздней бронзы получил наибольшее распространение на Южном Урале в могильниках алакульской культуры. Ранее в специальной статье, посвященной анализу алакульских парных погребений, мною было учтено 42 парных погребения, значительную долю которых составили погребения кожумбердынской культурной группы — 30 (71,4%), менее трети пришлось на долю западноалакульской группы (соль-илецкого типа) — 10 (23,8%) и по одному (по 2,4%) погребению алакульского лесостепного и степного вариантов [31]. В этой работе алакульские парные погребения были рассмотрены как совокупность, без акцента на культурную специфику. С момента публикации статьи увеличилась источниковая база парных погребений южноуральской территории и назрела необходимость детальной их характеристики, которая позволит выявить особенности каждой из групп, выяснить вопросы их генезиса и приблизиться к пониманию содержательной стороны этих погребений. Статья, посвященная парным погребениям западноалакульской (соль-илецкой) культурной группы, насчитывающей на сегодняшний день 19 погребений (20 пар), была недавно опубликована [34].

В настоящей статье рассматривается наиболее многочисленная группа кожумбердынских парных погребений, в которую вошли доступные на данный момент для анализа 44 погребения. Значительная часть осталась за рамками исследования. Это 32 погребения, раскопанные в первое десятилетие нынешнего века в могильниках Ушкаттинский I (27 погребений) и Аралча II (5 погребений)¹, которые, как можно надеяться, будут опубликованы в обозримом будущем. В совокупности с ними выборка кожумбердынских парных погребений на сегодняшний день составляет 76 комплексов и является одной из самых многочисленных на Евразийском пространстве эпохи поздней бронзы.

Впервые «кожумбердынский тип алакульской линии развития» выделила Е. Е. Кузьмина на материале поселений, могильников и рудников эпохи поздней бронзы Восточного Оренбуржья. С самого начала своих исследований на этой территории она обратила внимание на своеобразие их материалов среди андроновских памятников [16]. К отличительным чертам кожумбердынского типа в погребальной обрядности она отнесла могильники, состоящие из курганов с каменным кольцом, каменных оград, смыкающихся оград, погребения в грунтовых могилах и каменных ящиках, в которых покойники были ориентированы головой на запад, реже юго-запад. Ею было охарактеризовано своеобразие кожумбердынской керамики, сочетающей традиции алакульской и федоровской культур. Исследовательница отнесла возникновение кожумбердынской группы к началу XVI в., большинство же памятников датировала XV—XIII вв. до н.э. [17, с. 46—47; 20, с. 250—268].

Исследования В. В. Ткачева последних десятилетий (напр.: [39; 40; 41]) позволили прояснить наиболее существенные вопросы кожумбердынской проблематики. Им установлено, что ареал кожумбердынской культурной группы охватывает две физико-географические области на южной оконечности Уральской горной страны: Приюжно-

¹ Автор благодарна В. В. Ткачеву за информацию об их исследовании.

уральскую предгорно-возвышенную степную и Мугоджарскую предгорно-низкогорную полупустынную и горностепную [40, с. 69; 41, с. 39]. Абсолютная хронология памятников кожумбердынской культурной группы определена им в пределах второй половины XVIII — XII в. до н.э. с разделением на два последовательных интервала: XVIII—XV и XIV—XII вв. до н.э. Большинство радиоуглеродных дат оказалось в первом интервале, соответствующем хронологическим рамкам развитого (классического) этапа алакульской культуры [40, с. 72—73].

Парные погребения из кожумбердынских могильников, исследованных в 1930—1960-х гг., привлекались для решения ключевых исторических вопросов, выходящих за рамки сугубо археологического источниковедения — общественного устройства и семейной организации андроновских палеопопуляций. Среди археологов этого времени выделяются три исследователя, изучавшие кожумбердынские парные погребения непосредственно в поле и оценившие их потенциал в выяснении этих вопросов — Г. В. Подгаецкий, В. С. Сорокин, Е. Е. Кузьмина.

В то время кожумбердынская культурная группа еще не была выделена и парные погребения рассматривались ими в рамках всей андроновской культуры, и выводы, полученные в ходе их изучения, легшие в основу модели семейно-брачной и общественной организации, распространялись на андроновское общество в целом.

Г. В. Подгаецкий, раскопавший в могильнике Ново-Аккермановка два парных погребения — одновременное подростков (огр.¹ 8) и неодновременное взрослых (огр. 4), рассматривал эти захоронения как признак становления патриархальных семей, стимулированного развивающимся скотоводством. Особенно показательным, по его мнению, в плане подчиненного положения женщины являлось погребение взрослых. Скелет мужчины 35 лет² находился в обычном для подавляющего большинства одиночных захоронений положении — скорченно на левом боку. Скелет женщины 25 лет находился справа от мужчины в полувытянутом положении на груди, ноги ее были слегка согнуты вправо, руки согнуты к лицу и «вынесены» вправо. Кости ее таза частично перекрывали кости рук мужчины, а нижняя часть голеней — правое колено мужчины (рис. 4, 1). Необычное положение женщины Г. В. Подгаецкий объяснял сбросом ее тела в могилу после насильственного умерщвления [27, с. 81]. Такое объяснение вполне соответствовало принятой тогда в отечественной науке парадигме о становлении «патриархально-семейных отношений» в скотоводческих обществах бронзового века степной Евразии [2; 13, с. 163—167].

В. С. Сорокин в монографии, посвященной материалам полностью раскопанного могильника Тасты-Бутак 1, насчитывающего 100 погребений, одну из глав посвятил вопросам семейной и общественной организации палеопопуляции этого некрополя, основой рассмотрения стала серия одновременных (8) и неодновременных (4) погребений, являвшихся, по его мнению, захоронениями супружеских пар [38, с. 89—122]. Могилы с парными погребениями составляют в этом некрополе 17,1% от тех 70 могил, в которых количество погребенных было установлено.

Парные неодновременные погребения характеризовались подхоронением через определенный промежуток времени к ранее захороненному покойнику второго покойника, причем количество подхоронений мужчины к женщине было больше (3 vs 1). В них находились преимущественно взрослые пары, за исключением одного погребения, где к молодой девушке 14—16 лет³ был подхоронен взрослый мужчина. Эти погребения, по

¹ Огр. — здесь и далее — оградка.

² Антропологические определения были осуществлены В. В. Гинзбургом.

³ Антропологические определения были осуществлены В. В. Гинзбургом.

мнению В. С. Сорокина, свидетельствуют о том, что брак у тасты-бутакцев имел «характер весьма прочных уз, нерасторжимых даже в смерти» [38, с. 118]. Он пересмотрел интерпретацию погребения в огр. 4 Ново-Аккермановки, предложенную Г. В. Подгаецким. За необычным положением женского костяка в могиле В. С. Сорокин видел иные мотивы, нежели чем демонстрация приниженного и зависимого положения женщины. По его мнению, это захоронение возникло в результате нетривиального случая. После того как в могиле, соответствующей по размерам одиночной, захоронили женатого мужчину, внезапно умерла его молодая жена (болезнь, самоубийство), которую было решено подхоронить к мужу. Однако расширить могилу и уложить ее тело напротив мужского, лицом к нему, как это было принято по канонам парного погребения, помешало присутствие разлагающегося трупа, вследствие чего тело женщины уложили наиболее «эргономично» в имеющемся пространстве могилы. Как пишет автор: «Это было отступлением от одного обычая в интересах сохранения другого, очевидно, более важного — погребения вдовы в могиле покойного мужа» [38, с. 105—106].

В одновременных парных погребениях могильника Тасты-Бутак 1 находились пары разного возраста. В половине погребений (4 из 8) это были пары подростков и детей. Подросткам из огр. 20/3¹ на момент смерти было 11—12 и 8 лет, а из огр. 22/4 — 10—12 и 8—9 лет. Детям, похороненным в огр. 2, было по 4 года, а возраст детей из огр. 25/2 не определен. В трех одновременных погребениях взрослые были захоронены со значительно меньшим по возрасту покойником: взрослый (мужчина?) и девочка 12 лет (огр. 22/2), взрослый мужчина и девочка 9—10 лет (огр. 39), взрослая женщина (?) и подросток (мальчик?) 12 лет (огр. 48). Взрослая пара была представлена только в одном из восьми одновременных погребений могильника (огр. 38). Возраст младших покойников, погребенных совместно с взрослыми, подтолкнул В. С. Сорокина к выводу о раннем возрасте вступления в брак в тасты-бутакской популяции. Автор даже считал возможным причислить девочек из парных погребений с мужчинами к взрослым [38, с. 91—92].

Одновременные погребения В. С. Сорокин объяснял прочностью брачных отношений, которые могли «породить определенные этические взгляды, оказывающие могучее воздействие на поступки людей распадающегося родо-племенного общества. Представление о прочной связи мужчины и женщины в браке в плане этическом неизбежно должно было породить представление о желательности сопровождения умершего супруга на тот свет с целью сохранения разрушаемой смертью семьи. Это могло даже выступать и в качестве побудительной причины добровольной смерти и при наличии детей... Нельзя исключать и воздействие личной привязанности на решение принять добровольную смерть, так как личная привязанность супругов отнюдь не исключается на относительно ранних ступенях развития семейных отношений» [38, с. 119]. Именно возможной личной привязанностью к умершему мужчине, подтолкнувшей к добровольному уходу девочку-жену, объяснял объятия с ее стороны В. С. Сорокин в огр. 39 [38, с. 119]. Данная интерпретация одновременных погребений, предложенная В. С. Сорокиным, полностью исключала версию умерщвления женщины для захоронения с мужчиной, обладающего высоким статусом, как ранее предполагалось для всех парных одновременных погребений эпохи бронзы Евразийских степей [2].

По мнению В. С. Сорокина, в тасты-бутакской популяции брак был экзогамным, а счет родства патрилинейным. Эти выводы он сделал на основании положения мужчин и подавляющего большинства детей из одиночных погребений на левом боку. И в парных погребениях мужчины находились на левом боку, кроме исключительного случая в огр.

¹ Здесь и далее первое число — это номер надмогильного сооружения, второе — номер погребения.

30¹, в то время как женщины в парных погребениях находились на правом боку, а в одиночных как на левом (8), так и на правом (5). «Все члены рода погребены на левом боку, а пришедшие из других родов — на правом» [38, с. 93]. Женщины из одиночных погребений на правом боку рассматривались В. С. Сорокиным как представительницы чужого рода, возможно, являвшимися «вторыми, третьими и так далее женами мужчин-многоженцев» [38, с. 119].

В целом парные погребения, не отличавшиеся, кроме факта парности, от остальных погребений, были, по его мнению, захоронениями рядовых общинников, а не людей, наделенных богатством и властью [38, с. 118]. Исследователь пришел к выводу о существовании у андроновцев «патриархально-родового общества с несомненными признаками обособляющейся индивидуальной или парной семьи внутри большесемейной общины» [38, с. 120].

Е. Е. Кузьмина затронула тему андроновских парных погребений в статье, посвященной анализу материалов могильников Байту I и II [16]. В огр. 4 Байту I были выявлены два парных погребения — взрослых (Байту I 4/1) и детей (Байту I 4/2), а в пределах огр. 9 Байту II находилось парное погребение взрослых (Байту II 9/1), по мнению исследовательницы являвшееся неодновременным, и одиночное погребение ребенка (Байту II 9/2). Разнообразие украшений женщин из двух погребений взрослых заставило автора задуматься об их социальном статусе. Исходя из анализа только археологических данных, исследовательница пришла к выводу, что эти женщины не могли быть наложницами, умерщвленными для захоронения с мужчиной. Во-первых, находящиеся вместе с женщинами мужчины ничем не выделялись среди рядовых захоронений, во-вторых, неодновременность одного из погребений взрослых наводила на мысль «о подхоронении жены после ее естественной смерти, а не о насильственном ее умерщвлении и погребении как личной собственности мужчины» [16, с. 46]. Е. Е. Кузьмина поддержала интерпретацию В. С. Сорокина неодновременного парного погребения взрослых из огр. 4 Ново-Аккермановки.

Исследовательница делает однозначный вывод о том, что «андоновские парные погребения — это захоронения супругов и свидетельствуют о существовании парного брака у андроновских племен» [16, с. 46]. Она задается вопросом: «было ли положение супругов в семье и обществе равноправным или главенствующая роль принадлежала мужчине?». На основной археологический аргумент гипотезы В. С. Сорокина о патриархальном строе андроновцев — левобочное положение мужчины в парных погребениях, которое является господствующим в андроновских одиночных захоронениях, Е. Е. Кузьмина приводит несколько одиночных захоронений женщин и мужчин, положенных на правый бок, а также парные погребения из могильника Турсумбай II, где на левом боку находились подростки с украшениями (девочки?) [16, с. 47]. Исследовательница, исходя из наличия в могильниках Шандаша, Ушкатта и Тасты-Бутак I оградок с одиночными погребениями женщин, окруженных одиночными погребениями детей разных возрастов, предполагает, что в андроновском обществе существовал матрилинейный счет родства, при котором положение женщины в обществе не могло быть низким. При этом она не исключает и «перехода от матрилинейной к патрилинейной системе исчисления родства», свидетельством чего может быть неодновременное погребение Байту II 9/1 с расположенным рядом с ним одиночным погребением ребенка, покойники из которых интерпретируются ею как «законная жена и ребенок мужчины вместе с ним в знак того, что они были членами его семьи и ребенок является именно его наследником?» [16, с. 47].

¹ В этом парном погребении на левом боку находилась женщина, а разрозненные кости предположительно мужчины были сложены напротив грудой.

При реконструкции семейно-брачных отношений у андроновцев Е. Е. Кузьмина призвала с осторожностью отнестись к широкому кругу этнографических параллелей от меланезийцев до банту. С ее точки зрения, более закономерным является использование материалов о семье и браке у генетически родственного населению поздней бронзы Евразийских степей народов — иранцев, индусов, у которых сохранились и письменные источники — древнейшие части Авесты, Веды и Законы Ману. Она обратила внимание, что в этих источниках указывается довольно ранний брачный возраст — 8—12 и 15 лет [16, с. 48]. А общество характеризуется как управляемое вождями, где малая патрилокальная семья не играет роли. Счет родства ведется по отцу, но женщина «в религиозном и социальном отношении почти равноправна с мужчиной». Она отмечает, что в Атхарваведе упоминается символический уход жены за своим мужем, а в законах Ману говорится, что «на том свете муж снова станет супругом своей жены, почему вторичные браки не одобряются и у представителей высших каст получает такое распространение обычай самосожжения вдовы». По мнению Е. Е. Кузьминой, «парные захоронения в андроновских могильниках свидетельствуют о появлении таких воззрений и у андроновцев» [16, с. 48].

Таким образом, взгляды исследователей на причины появления кожумбердынских парных погребений и на социальные отношения в обществе, их практиковавшем, различаются. Для Г. В. Подгаецкого, работы которого вышли в свет в 1935 и в 1940 гг., единственно верным объяснением возникновения парных погребений было умерщвление бесправной женщины ради погребения с умершим мужчиной в период утверждения патриархального строя. Его большая заслуга — в своевременной высокопрофессиональной публикации материалов и обеспечении профессиональными антропологическими определениями костяков из парных погребений, что не всегда реализуется и в современных исследованиях.

Открытие серий кожумбердынских парных погребений во второй половине 50-х — начале 60-х гг. XX в. породило новые взгляды на парные погребения. В. С. Сорокин и Е. Е. Кузьмина считают, что женщина не умерщвлялась для погребения с мужчиной. Оба исследователя пришли к выводу, что парные погребения — это захоронения супругов, а общественное устройство воссоздают как патриархальное. Материалы полностью исследованного могильника Тасты-Бутак 1 позволили В. С. Сорокину предложить стройную и логичную модель патриархального общества с такими особенностями семейно-брачных отношений, как раннее вступление девочек/девушек в брак, многоженство, вполне соотносимую с археологическими материалами этого могильника. В. С. Сорокин впервые в исследовании парных погребений евразийских степей наиболее вероятной причиной их возникновения назвал «личную привязанность супругов», видимо, подразумевая под этим любовь. Также исследователь не исключает формирование в тасты-бутацком (андроновском) обществе специфических этических взглядов, в соответствии с которыми принятие добровольной смерти при кончине одного из супругов рассматривалось как одобряемое обществом действие [38, с. 119].

В работе Е. Е. Кузьминой 1964 г. читается между строк, что автор не исключает объяснение парных погребений обычаем наподобие самосожжения вдовы, как у высших каст индийского общества. В более поздней работе она называет их аналогом *sati* [19, с. 166]. В предисловии одной из поздних работ она пишет, что «парное погребение говорит о давно угасшей любви» [20, с. 9].

В распоряжении названных исследователей была ограниченная по количеству выборка парных погребений. Сейчас их известно несоизмеримо больше, и цель настоящего

исследования — всесторонний анализ кожумбердынских парных погребений и верификация на основе его результатов предложенных ранее гипотез об интерпретации этих захоронений. Достижение цели предполагает решение следующих задач: выделение возрастных групп погребений, характеристика их по основным признакам погребального обряда — устройству могил и локализации их на погребальной площадке, нарушенности погребений, положению и ориентировке покойных, а также анализ сопровождающего инвентаря.

Результаты исследования

Местоположение кожумбердынских могильников с парными погребениями и их датировка. Надмогильные сооружения

Все 14 могильников, парные погребения которых привлечены к исследованию, находятся в северной части ареала кожумбердынской культурной группы, располагающейся в степной Приюжноуральской предгорно-возвышенной физико-географической области (рис. 1). Их материалы не привлекались к радиоуглеродному датированию, но, по нашему мнению, их можно отнести к XVIII—XV вв. до н.э., как и большинство кожумбердынских материалов, для которых были получены радиоуглеродные даты [40, с. 72—75].

Местоположение могильников допускает их группировку по трем микрорайонам: северо-западному, юго-западному и юго-восточному (рис. 1).

Некрополи *северо-западного* микрорайона Березовский V, Чапаевский V, Ташла-1 и Ибрагимовский II находятся в смежной зоне ареалов срубно-алакульских и кожумбердынских памятников на достаточно большом расстоянии друг от друга (рис. 1, 1—3, 14). Березовский V и Чапаевский V расположены на левом берегу р. Урал, а Ташла-1 и Ибрагимовский II — близ правых притоков р. Урал — Таналыка и Сакмары. В этой группе находится единственный из всей выборки некрополь, представленный одиночной каменной кольцевой оградкой, — Чапаевский V. Эта ограда из всех надмогильных сооружений в могильниках рассматриваемого микрорайона наиболее соответствует кожумбердынским стандартам, как и юго-западная ориентировка погребенных в ней. В остальных могильниках надмогильные сооружения представлены исключительно курганами. В Березовском V — это земляные насыпи без каменных конструкций, в Ташле-1 и Ибрагимовском II — земляные насыпи с каменными кольцевыми конструкциями. В исследованных погребениях этих некрополей ощутимы срубные признаки, выраженные прежде всего в северной и северо-восточной ориентировке погребенных, а в отдельных случаях и в посуде. Количество погребальных сооружений в этих могильниках невелико — 5, 13 и 17 (табл. 1). В рассматриваемом микрорайоне в пределах границ кожумбердынской культурной группы известны несколько срубно-алакульских могильников с парными погребениями (рис. 1, 22—25, 27), но ориентировка и посуда из них далеки от кожумбердынских стандартов.

Могильники *юго-западного* микрорайона находятся недалеко от излучины р. Урал, где река меняет направление течения с южного на западное. Расположение могильников относительно друг друга достаточно компактное (рис. 1, 4—8). Количество погребальных сооружений в некрополях варьирует от 14 до 60. Надмогильные сооружения, как правило, состоят из численно преобладающих каменных колец и количественно уступающих им земляных курганов, окруженных по основанию каменными кольцами. Доля курганов составляет от 11,1 до 28,6% (табл. 1). Исключением из этого правила является могильник Ново-Аккермановка, состоящий исключительно из каменных колец.

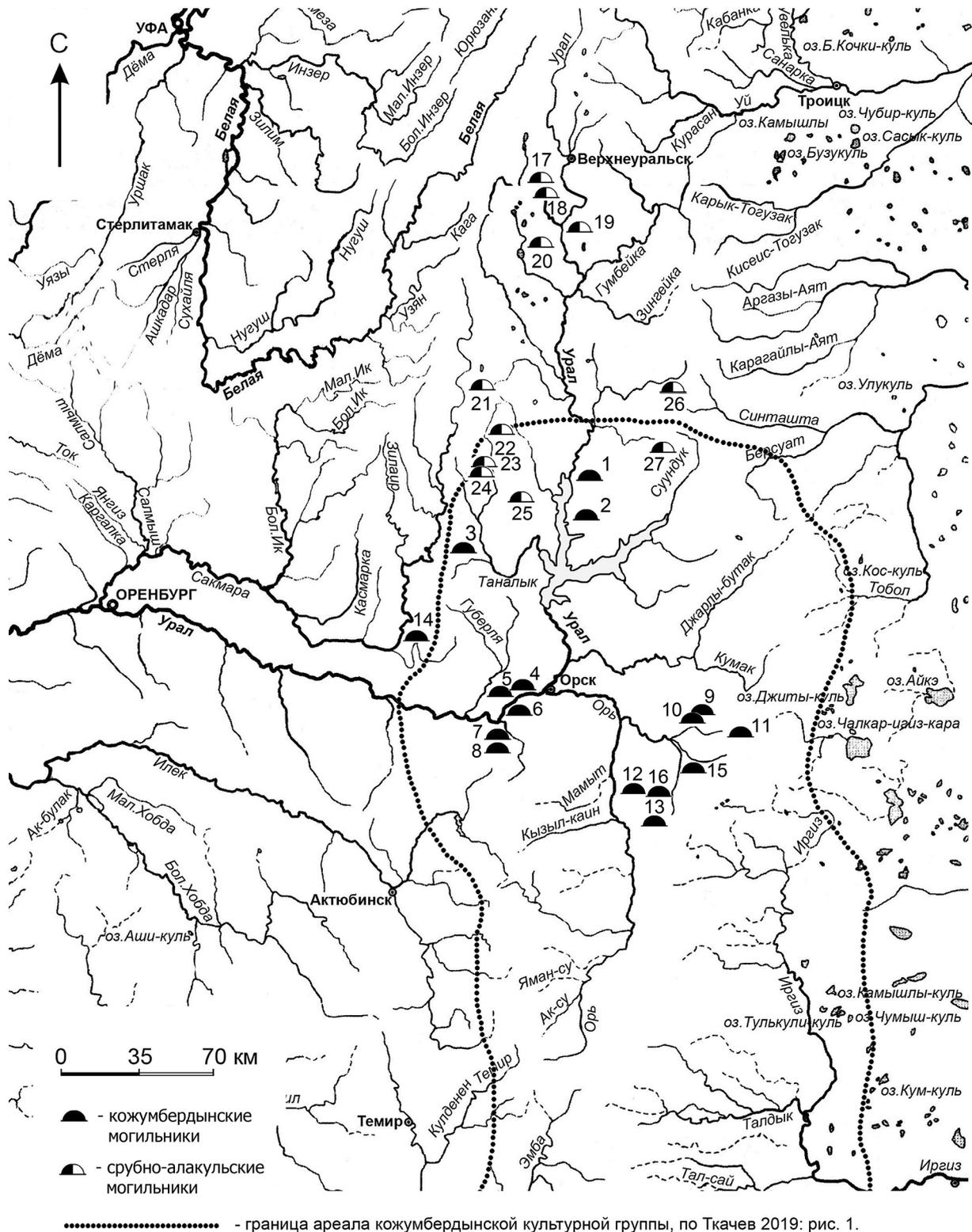

Рис. 1. Кожумбердынские (1—16) и срубно-алакульские (17—25) могильники с парными погребениями. 1 — Березовский V, 2 — Чапаевский V, 3 — Ташла-1, 4 — Ново-Аккермановка, 5 — Хабарное I, 6 — Кунакбай-сай, 7 — Урал-сай, 8 — Гурюльдек, 9 — Байту I, 10 — Байту II, 11 — Турсумбай II, 12 — Кожумберды, 13 — Тасты-Бутак 1, 14 — Ибрагимовский II, 15 — Ушкаттинский, 16 — Аралча II, 17 — Муракаево, 18 — Туишево, 19 — Спасский I, 20 — Селивановский II, 21 — Тавлыкаевский I, 22 — Юлалы-8, 23 — Салимовские курганы (Биш-Уба II), 24 — Агеевские курганы, 25 — курганы Валит-2, 26 — Каменный Дол I, 27 — Солончанка 16

Характеристика погребальных сооружений в могильниках кожумбердынской культурной группы, где исследованы парные погребения

Микрорайон	Порядковый номер	Наименование могильника	Надмогильные сооружения							
			Выявлено			Раскопано				
			курганы	каменные кольца	всего	курганы	каменные кольца	каменная выкладка	всего	%
Северо-западный	1	Березовский V	13		13	5			5	38,5
	2	Чапаевский V		1	1		1		1	100
	3	Ташла-1	5		5	5			5	100
	4	Ибрагимовский II	17		17	3			3	17,6
Юго-западный	5	Ново-Аккермановка		19	19		13		13	68,4
	6	Хабарное I	11	49	60	8	14	1	23	40
	7	Кунакбай-сай	5	40	45		2		2	4,4
	8	Урал-сай	5	19	24	3	6		6	37,5
	9	Гурюльдек	4	10	14	4			4	28,6
Юго-восточный	10	Байту I	2	5	7		2		2	28,6
	11	Байту II	3?	17?	20?		3		3	15
	12	Турсумбай II		28	28		13		13	46,4
	13	Кожумберды	8	121	129		15		15	11,6
	14	Тасты-Бутак I		57	57		57		57	100

Юго-восточный микрорайон выделен по могильникам, локализованным вблизи правобережья нижнего течения р. Ори на ее правых притоках (рис. 1, 9—13, 15—16). Могильники состоят преимущественно из каменных колец. Земляные курганы с каменным кольцом зафиксированы в трех некрополях из пяти: Байту I, Байту II, Кожумберды, в которых выявлено соответственно 7, 20 и 129 погребальных сооружений. Доли курганов в них очень вариативны — 5, 6,2 и 28,6% (табл. 1). Отметим, что Байту I и II расположены в 800 м друг от друга и, как отмечала Е. Е. Кузьмина, однородность их материалов свидетельствует об их синхронности. Разница между могильниками наблюдается в их топографии, численности и размерах надмогильных сооружений. Байту I находится на возвышающемся над степной равниной высоком холме и состоит из немногочисленных крупных сооружений в отличие от расположенного на более низком участке Байту II с более многочисленными, но меньшими по размерам сооружениями. По мнению Е. Е. Кузьминой, в обоих могильниках захоронены представители одного рода, но в Байту I, судя по его топографии и размерам сооружения, «наиболее почитаемые» [16, с. 42]. Некрополи Тасты-Бутак I и Турсумбай II состоят только из каменных колец, которых насчитывается соответственно 57 и 28.

Таким образом, кожумбердынские некрополи, в которых выявлены парные погребения, включали разное количество сооружений — от 1 до 129, и они происходят из надмогильных сооружений различных типов — земляных курганов, курганов с каменными кольцами, кольцевых каменных оградок. На примере двух синхронных могильников Байту I и Байту II, расположенных в непосредственной близости друг от друга, но различающихся по топографии и по количеству и размерам погребальных сооружений, можно предполагать, что парные погребения практиковали разные социальные группы.

Количественные характеристики

В совокупности 44 кожумбердынских парных погребения выявлены в 34 погребальных сооружениях, содержащих 264¹ погребения. Общая доля парных погребений составляет 16,7% от остальных, преимущественно одиночных, захоронений (табл. 2).

В частности, процент парных погребений в каждом могильнике крайне вариативен, на него приходится от 5,3 до 100% (табл. 2). Эта вариативность отчасти может быть объяснена разной степенью исследованности некрополей (табл. 1). Максимальный показатель доли парных погребений 100% в двух могильниках объясняется тем, что в Кунакбай-сае из 45 оградок раскопаны 2 и в каждой находилось парное погребение, а в Чапаевском V — это одиночная каменная оградка.

Таблица 2

Доля кожумбердынских парных погребений среди исследованных погребений в могильниках и в анализируемой выборке

Микрорайон	Порядковый номер	Наименование могильника	Всего исследовано погребений			Доля парных погребений в выборке, %
			кол-во	из них парных		
				кол-во	%	
Северо-западный	1	Березовский V	19	1	5,3	2,3
	2	Чапаевский V	1	1	100	2,3
	3	Ташла-1	33	10	30,3	22,7
	4	Ибрагимовский II	11	1	9,1	2,3
Юго-западный	5	Ново-Аккермановка	13	2	15,4	4,5
	6	Хабарное I	54	3	5,6	6,8
	7	Кунакбай-сай	2	2	100	4,5
	8	Урал-сай	8	1	12,5	2,3
	9	Гурюльдек	4	2	50	4,5
Юго-восточный	10	Байту I	3	2	66,7	4,5
	11	Байту II	5	1	20	2,3
	12	Кожумберды	19	3	15,8	6,8
	13	Турсумбай II	22	3	13,6	6,8
	14	Тасты-Бутак 1	70	12	17,1	27,3
Всего:			264	44	16,7	100

На графике зависимости доли парных погребений от общего количества исследованных в могильнике захоронений в целом, если не учитывать область графика до 5 исследованных погребений в могильниках, так как это количество слишком мало для учета их влияния на общую зависимость процента парных погребений от числа изученных, доля парных погребений в могильниках, в которых исследовано наиболее представительное количество погребений, составляет около 15%, но на графике выбивается пик с показателем 30,3%, это могильник Ташла-1 (рис. 2). Этот могильник полностью раскопан, и если сравнивать его процентный показатель парных погребений с показателем еще одного полностью раскопанного могильника Тасты-Бутак 1, то они довольно разнятся: соответственно 30,3 и 15,7%. Забегая вперед, отметим, что разница имеется и в возрастной структуре парных погребений двух могильников, и причины этих несожестей кроются, видимо, в различии жизненных реалий тасты-бутацкой и ташлинской микропопуляций.

¹ В это число не включено 30 погребений из могильника Тасты-Бутак 1, в котором точное количество покойников не установлено.

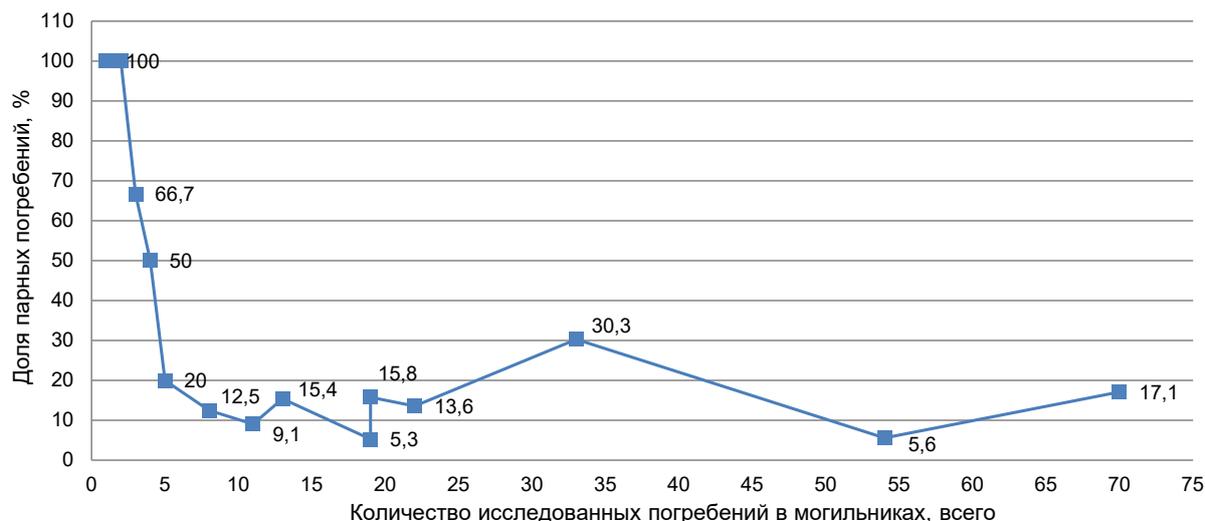

Рис. 2. Корреляция доли парных погребений с количеством исследованных погребений в кожумбердынских могильниках

Одновременность/неодновременность погребений

Рассматриваемые погребения разделяются на одновременные, где оба покойника положены в могилу одновременно (рис. 3), и неодновременные, где между захоронением покойников имелся хронологический разрыв (рис. 4). Преобладают одновременные погребения, таковых 34, неодновременных 10 и за исключением одного погребения детей (Ташла-1 2/11), отнесенного к неодновременным с большими оговорками, все они представлены захоронениями взрослых людей¹ (табл. 4).

Неодновременные погребения из кожумбердынских могильников составляют основное ядро алакульских неодновременных погребений, которые были разобраны в отдельной статье [33]². Поэтому рассмотрим только основные моменты, характеризующие эти погребения.

По состоянию останков покойника, захороненного первым, их можно разделить на три варианта, в количественном отношении представленных неравномерно (табл. 3).

Таблица 3

Количественное распределение неодновременных погребений по вариантам

Вариант	Кол-во	Доля, %
1	1	10
2	3	30
3	6	60
Всего	10	100

Преобладают парные погребения, где костные останки первого покойника сложены грудой напротив второго покойника, таковых 6, они отнесены к варианту 3. В. С. Сорокин такое состояние останков в могилах Тасты-Бутака 1 объяснял тем, что к моменту подхоронения второго покойника мягкие части трупа первого покойника уже разложились и останки его были извлечены хоронившими, затем в могилу было помещено тело второго покойника, а собранные «как умели» кости первого покойника вслед за этим были сложены «кучкой» против его тела [38, с. 101]. Иногда выемка останков осуществлялась не

¹ Вопросы возраста и пола покойников из парных погребений рассмотрены ниже.

² В работе [33] не учитывалось погребение Тасты-Бутака 1 огр. 5, которое в настоящей статье включено в выборку.

полностью, об этом свидетельствует, например, нахождение под костями стоп позднее подхороненной женщины в Тасты-Бутак 1 огр. 30/1 костей голеней первого покойника, которые были просто сдвинуты, а основная часть его костей находилась в сложенной груди [38, с. 102—103]. Наши полевые наблюдения относительно погребения Березовский V 6/1 вполне соотносятся с выводами В. С. Сорокина [43, с. 59, 63; 33, с. 57].

Все позднее захороненные покойники в рассматриваемых погребениях положены на левый бок, независимо от их половой принадлежности, которая в трех случаях определена как женская (Тасты-Бутак 1 огр. 30, Березовский V к. 6/1, Гурюльдек к. 2) и в двух как мужская (Тасты-Бутак 1 огр. 4, огр. 5), еще в одном не установлена (Гурюльдек к. 1). Погребение Тасты-Бутак 1 огр. 5 отнесено к варианту 3 с оговорками, поскольку в результате вторжения в могилу от первого погребенного осталась бедренная кость в заполнении могилы и на различной глубине ее были найдены незначительные обломки костей человека и украшений. На дне же могилы находились «в первоначальном положении кости ног и таз второго погребенного — зрелого мужчины, лежавшего с сильно поджатыми ногами» [38, с. 12]. В. С. Сорокин считал это погребение парным одновременным, с чем мы склонны согласиться. В этой узкой могиле разместить останки первого погребенного можно было бы только «кучкой» («грудой») (рис. 4, 7). В андроновских могильниках такие погребения являются большой редкостью. Очень схожее с погребениями рассматриваемого варианта захоронение было исследовано в могильнике Тартас-1 в Барабинской лесостепи. Это федоровское погребение № 416, где мужчина (?) лежал на левом боку, а перед ним компактной грудой были сложены останки женщины (?), при этом авторы считают, что захоронение было совершено одномоментно [24, с. 486].

К варианту 2 отнесены 3 погребения, где отдельные кости скелета первоначально погребенного сдвинуты или отсутствуют, но сочлененность его скелета в целом сохранена. В погребении Тасты-Бутак 1 огр. 43 при подхоронении молодого мужчины к девушке 14—16 лет были сдвинуты кости ее голеней. Мужчина лежал на левом боку, девушка находилась на правом (рис. 4, 3).

Остальные два погребения могут быть отнесены к этому варианту, да и в целом к одновременным с большими оговорками. В Байту II 9/1, по мнению Е. Е. Кузьминой, в могиле первым был похоронен мужчина, и «к моменту, когда часть его скелета, может быть, распалась, была похоронена богато одетая женщина. Размеры ямы были малы для парного погребения, и женщину буквально втиснули в могилу, придав ей несколько неестественную позу: ее спина и ребра оказались приподнятыми, а голова касалась сосуда» [16, с. 45]. Кости правой руки мужчины, лежавшего на левом боку, отсутствовали, зубы лежали в беспорядке, а левая рука женщины «лежала на руке и груди мужчины» [16, с. 45]. Рисунок плана погребения довольно схематичен, на нем трудно разобрать детали положения погребенных (рис. 4, 2). По имеющемуся в отчете фото видно, что кости обоих погребенных очень плохой сохранности, и в данном случае нам приходится доверять наблюдениям автора раскопок, отнесшего это погребение к одновременным.

Еще одно парное погребение, одновременность которого не безусловна, — это погребение детей Ташла-1 к. 2/11 (рис. 8, 4). Здесь, видимо, первоначально был захоронен ребенок, лежащий с западной стороны, у которого в непотревоженном состоянии находились череп, кости таза и бедренные. Костяк расположен посередине могилы так, что практически не остается места для нормального (скорченно на правом боку) размещения еще одного покойного, подхоронение которого, видимо, заранее не планировалось. Приходится предполагать, что при его захоронении тело первого еще не было скелетировано, поскольку бедренные кости его сохранили анатомическую связь с тазом и не сдвинуты, но перемещена одна целая голень. Нарушение целостности средней части первого костя-

ка произошло не в момент подхоронения второго покойника, а гораздо позже и связано с деятельностью норных животных. Большинство костей второго покойника тоже не в анатомическом порядке, они несколько смещены, но при этом очевидно, что его ноги изначально были уложены поверх ног ранее захороненного ребенка. Кроме того, второй покойник заметно «теснится» между первым и стенкой могилы. О его подхоронении свидетельствует и то, что сосуд 2 над его головой стоит на прослойке перемешанной земли несколько выше по уровню сосуда 1, относящегося к первому костяку [36, с. 153—154].

Вариант 1 представлен единственным, остающимся и по сей день уникальным погребением Ново-Аккермановка огр. 4. В могиле, предназначенной для одиночного погребения, скелет ранее захороненного мужчины находился в полном порядке на левом боку, а скелет подхороненной женщины лежал на груди со слегка согнутыми ногами и размещенными перед лицом руками и частично перекрывал скелет мужчины (рис. 4, 1). Выше это погребение уже было обстоятельно разобрано. Уникальность этого захоронения, точнее положения женщины, вызвано скорее всего нетривиальными обстоятельствами, приведшими к возникновению этого комплекса.

Возраст и пол погребенных, возрастные группы

Антропологические определения возраста обоих погребенных выполнены для 22-х пар (50%), в 4-х парах возраст квалифицированно определен только у одного из погребенных. В остальных случаях возраст покойных определен авторами раскопок по размерам костяков (табл. 4).

Таблица 4

Половозрастные определения костяков из парных погребений кожумбердынской культурной группы

Номер	Погребение	Профессиональные половозрастные определения		Определение пола по инвентарю, возраста по размерам костяка	
		пол	возраст	пол	возраст
Взрослые					
<i>одновременные</i>					
1	Байгу I огр. 4 п. 1 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку			♀*	взр. взр.
2	Ибрагимовский II к. 9/1 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку			♀*	взр. взр.
3×	Кожумберды огр. Д/1 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку				взр. взр.
4×	Кожумберды огр. 2 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку			♀*	взр. взр.
5×	Кожумберды огр. 3 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♂	взр.	♀*	взр.
6×	Кунакбай-сай огр. 1 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♂ ♀	взр. взр.		
7×	Кунакбай-сай огр. 2 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♀*	отрок? Juvenis-Adultus (20 лет)	♂	

Номер	Погребение	Профессиональные половозрастные определения		Определение пола по инвентарю, возраста по размерам костяка	
		пол	возраст	пол	возраст
8×	Тасты-Бутак 1 огр. 38 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♂ ♀*	Adultus Maturus		
9×	Ташла-1 к. 4/2 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♂	Maturus взр. или юнош.?		
10×	Урал-сай к. 8 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♂ ♀*	взр. (40—60 лет) взр. (40—60 лет)		
<i>неодновременные</i>					
вариант 1					
11	Ново-Аккермановка огр. 4 (ж к м) костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♂ ♀	взр. (35 лет) взр. (25 лет)		
вариант 2					
12	Байту II огр. 9/1 (ж к м) костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку			♀*	взр. взр.
13×	Тасты-Бутак 1 огр. 43 (м к ж) костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♂ ♀*	Adultus Juvenis (14—16 лет)		
вариант 3					
14	Березовский V к. 6 п. 1 (ж к м) костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♀* ♂	взр. (20—25 лет) взр. (30—35 лет)		
15×	Тасты-Бутак 1, огр. 30 п. 1 (ж к м) костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♀*	Maturus		взр.
16×	Тасты-Бутак 1 огр. 4 (м к ж) костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♂ ♀*	Maturus взр.		
17×	Тасты-Бутак 1 огр. 5 (м к ж) костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку			♂ ♀*	взр. взр.
18	Гурюльдек к. 1 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку				взр. взр.
19	Гурюльдек к. 2 (ж к м?) костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку			♀*	взр. взр.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

Номер	Погребение	Профессиональные половозрастные определения		Определение пола по инвентарю, возраста по размерам костяка	
		пол	возраст	пол	возраст
Взрослый с подростком					
20×	Тасты-Бутак 1 огр. 22/2 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку		Infantilis II (12 лет)	♂ ♀ ¹	взр.
21×	Тасты-Бутак 1 огр. 39 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♂	Adultus Infantilis II (9—10 лет)	♀* ²	
22×	Тасты-Бутак 1, огр. 48 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♂? ³ ♀? ⁴	Infantilis II (12 лет) Adultus	♂? ♀	
23	Хабарное I к. 13 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♂*	Adultus	♀	ребенок
Подростки					
24	Байту I огр. 4/2 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку			♀*	«дети-подростки», «дети 8—10 лет» ⁵
25×	Ново-Аккермановка огр. 8 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку		Infantilis II (11—13 лет) Infantilis II (11—13 лет)		
26×	Ташла-1 к. 2/10 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку		Infantilis II (10—11 лет) Infantilis I (10—11 лет)	♀*	
27×	Ташла-1 к. 2/12 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку		Infantilis II (12—13 лет) Infantilis II (9—10 лет)		
28×	Ташла-1 к. 2/14 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку		Infantilis II Infantilis II		
29×	Турсумбай II огр. 6/2 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку			♀* ♂?	подр. подр.
30×	Турсумбай II огр. 6/3 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку			♀* ♂?	подр. подр.
31	Турсумбай II огр. 26/1 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку			♀* ♂?	подр. подр.
32×	Хабарное I к. 6 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку				подр. подр.
33×	Хабарное I к. 20 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку				подр. подр.
34×	Чапаевский V огр. костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку				подр. подр.

Номер	Погребение	Профессиональные половозрастные определения		Определение пола по инвентарю, возраста по размерам костяка	
		пол	возраст	пол	возраст
35×	Тасты-Бугак 1 огр. 20/3 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♀?	Infantilis II (11—12 лет) Infantilis II (8 лет)	♀? ⁶	
36×	Тасты-Бугак 1 огр. 22/4 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку		Infantilis II (8—9 лет) Infantilis II (10—12 лет)	♀*	
Подросток с ребенком					
37×	Ташла-1 к. 1/4 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку		Infantilis I 11—12 лет	♀*	
38×	Ташла-1 к. 2/17 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку		Infantilis II (9—10 лет) Infantilis I (5—6 лет)		
Дети					
39×	Тасты-Бугак 1 огр. 2 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♂? ♀? ⁷	Infantilis I (4 года) Infantilis I (4 года)		
40×	Тасты-Бугак 1 огр. 25 п. 2 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку			♀*	реб. реб.
41×	Ташла-1 к. 1/1 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку				реб. реб.
42×	Ташла-1 к. 2/15 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку				реб. реб.
43×	Ташла-1 к. 2/21 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку		Infantilis I (0 ≤ 7) Infantilis I (0 ≤ 7)		
неодновременные вариант 2					
44×	Ташла-1 к. 2/11 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку		Infantilis I (6—7) Infantilis I (6—7)		

Примечания. × — нарушенные погребения; * — наличие украшений.

¹ В. В. Гинзбург написал: «возможно, девочка» [5, с. 189].

² В. В. Гинзбург написал: «череп особи... женского пола (по археологическим данным)» [5, с. 191].

³ У В. С. Сорокина: скелет «подростка, возможно, мужского пола» [38, с. 24], у В. В. Гинзбурга — «череп особи, возможно, мужского пола» [5, с. 191].

⁴ В. С. Сорокин характеризует скелет как «женский возмужалого возраста» [38, с. 24], а в таблице 1 у В. В. Гинзбурга пол обозначен как «Ж?» [5, табл. 1 на с. 168]. В определении пола антропологом проявлена осторожность. Я полагаю, что скелет принадлежал женщине, в пользу этого свидетельствует и ее положение на правом боку, поскольку «в парных погребениях с женщиной они (женщины. — Я. Р.) всегда лежат на правом боку» [38, с. 93].

⁵ В публикации погребенные определены как «дети-подростки» [16, с. 45], а в отчете говорится, что «оба скелета принадлежат детям 8—10 лет» [14, с. 43].

⁶ В. С. Сорокин предположил, что скелет подростка на левом боку — «возможно девочки» [38, с. 18], хотя никаких оснований для такого предположения нет, украшений в могиле не найдено, по данным В. В. Гинзбурга, «возможно, женского пола» [5, с. 189]. Полагаю, что в этом погребении, как и во всех прочих

тасты-бутакских, кроме одного не одновременного взрослых, на левом боку лежал мальчик, а на правом — девочка (см. примечание 4).

⁷В. В. Гинзбург в таблице 1 обозначил пол детей как «М?» и «Ж?» [5, табл. 1]. У скелетов возраста 4-х лет антропологическое определение пола трудно выполнимо.

В рассматриваемых захоронениях находятся покойники, профессионально определенный возраст которых от 3—4 до 40—60 лет, и в совокупности с индивидами, возраст которых определен авторами раскопок, насчитывается 14 детей, 32 подростка, 42 взрослых. По сочетанию возраста положенных вместе покойников погребения можно разделить на захоронения взрослых (19), взрослого с подростком (4), подростков (13), подростка с ребенком (2) и детей (6).

Выделение группы *погребений взрослых*, даже в случае отсутствия профессиональных возрастных определений, не представляет особой сложности. По размерам останков и могил, где они размещены, практически безошибочно можно идентифицировать погребенных как взрослых. На долю этой группы приходится 43,2%, ее составили 19 пар из 10 одновременных (рис. 3) и 9 не одновременных (рис. 4) захоронений.

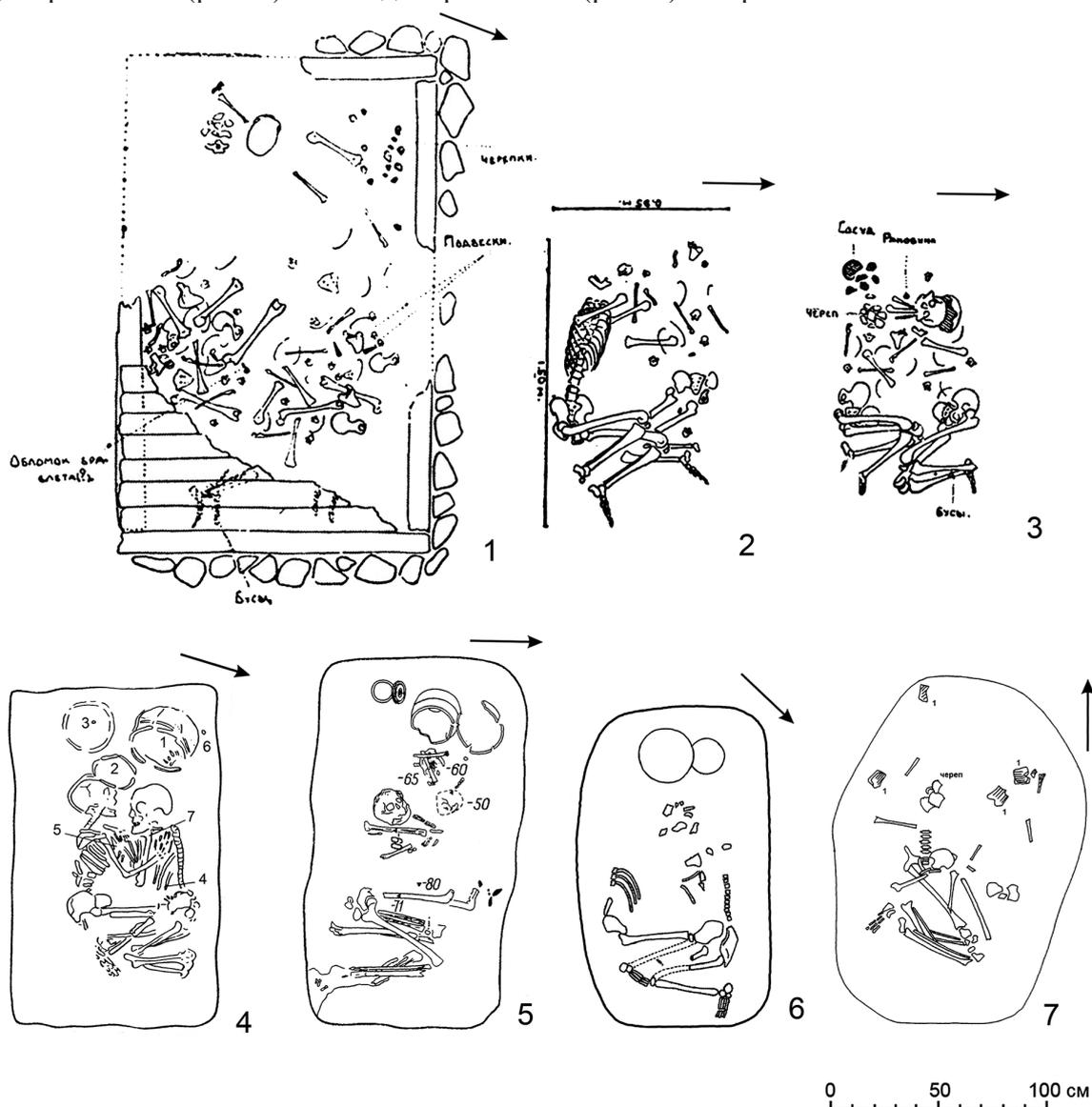

Рис. 3. Парные одновременные погребения взрослых кожумбердынской культурной группы: 1 — Урал-сай к. 8; 2 — Кунакбай-сай огр. 1; 3 — Кунакбай-сай огр. 2; 4 — Байту I огр. 4/1; 5 — Тасты-Бутак

1 огр. 38; 6 — Кожумберды огр. Д/1; 7 — Ташла-1 к. 4/2. Источники: 1—3 — [6]; 4 — [16]; 5 — [38]; 6 — [12]; 7 — [37]

Рис. 4. Парные неодновременные погребения взрослых кожумбердынской культурной группы: 1 — Ново-Аккермановка огр. 4; 2 — Байту II огр. 9/1; 3 — Тасты-Бутак 1 огр. 43; 4 — Березовский V к. 6/1; 5 — Тасты-Бутак 1 огр. 30/1; 6 — Тасты-Бутак 1 огр. 5; 7 — Тасты-Бутак 1 огр. 4; 8 — Гурюльдек к. 1; 9 — Гурюльдек к. 2. Источники: 1 — [27]; 2 — [14]; 3, 5—7 — [38]; 4 — [43]; 8, 9 — [3]

Обсудить нюансы возраста взрослых людей в одновременных погребениях возможно только в 5 (50%) случаях с антропологическими определениями обоих. В каждом случае возраст пары имеет свои особенности. В погребении Урал-сай к. 8 возраст покойников совпадал — обоим по 40—60 лет [6, с. 185], это верхняя граница возраста взрослых из всей выборки. В погребении Тасты-Бутак 1 огр. 38 мужчина возмужалого возраста (*Adultus*) был моложе зрелой женщины (*Maturus*) [5, с. 188, 190]. В погребении Кунакбай-сай 1 покойники обозначены просто как «взрослые» [6, с. 185]. В описании погребения Кунакбай-сай 2 возраст обоих покойников назван «отроческим» [6, с. 177], но в антропологическом исследовании М. Н. Комаровой утверждается, что наиболее хорошо сохранившийся череп из этого захоронения принадлежал «молодой женщине лет 20 (*juvenis-adultus*)» [9, с. 222], что заставляет предполагать, что и второй «отрок» был не меньшего возраста. В погребении Ташла-1 4/2 мужчина (*Maturus*), вероятно, был старше женщины (?) взрослого или юношеского возраста (личное электронное письмо В. В. Куфтерина от 17.04.2016).

Исходя из этих данных, можно заключить, что одновременно во взрослой паре могли захораниваться покойники, возраст которых совпадал, а также и покойники с незначительной разницей в возрасте, причем старше по возрасту в паре мог быть как мужчина, так и женщина.

Из 9 неодновременных погребений взрослых пол и возраст обоих костяков профессионально определены в 4-х (44,4%) случаях, в 3-х из них женщина была младше мужчины, независимо от того, подхоранивалась она к мужчине, как в Ново-Аккермановка огр. 4 и Березовский V к. 6/1, или мужчина подхоранивался к ней, как в Тасты-Бутак 1 огр. 43. В последнем случае возраст захороненной с взрослым мужчиной (*Adultus*) девушки — 14—16 лет, это нижняя граница возраста взрослых в рассматриваемой выборке. В погребениях Ново-Аккермановка огр. 4 и Березовский V к. 6/1 возраст пар практически совпадал, в первом случае мужчине на момент смерти было 35 лет, женщине 25 лет, во втором случае мужчине 30—35 лет, женщине 20—25 лет. В погребении Тасты-Бутак 1 огр. 4 возраст обоих покойников точнее, чем «взрослые», не определен [38, с. 12].

Взрослый с подростком

В 4-х (9,1%) погребениях взрослый захоронен с подростком. Три из них происходят из могильника Тасты-Бутак 1 (оградки 22/2, 38, 39) и одно из Хабарное I к. 13 (рис. 5).

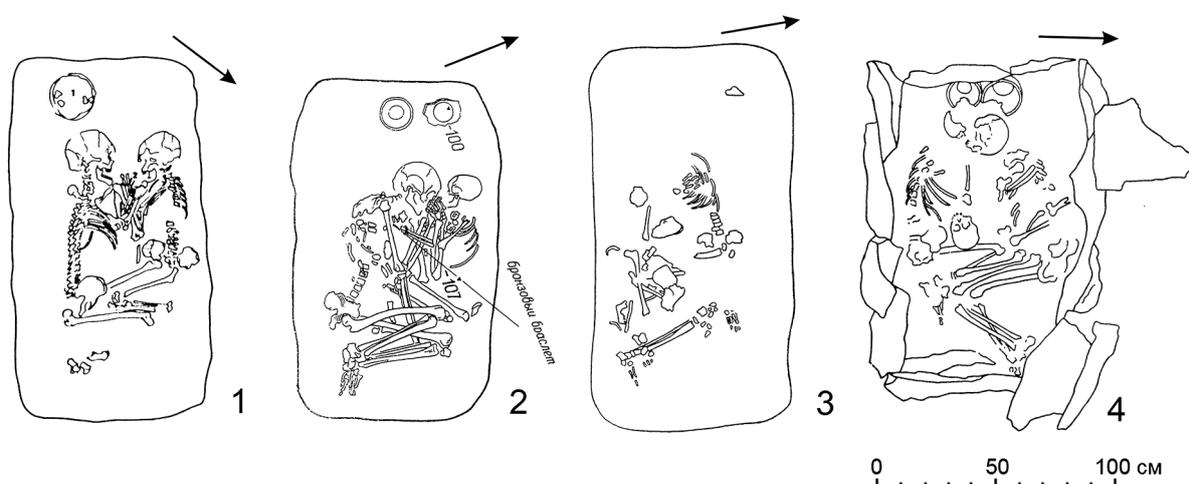

Рис. 5. Парные погребения взрослого с подростком кожумбердынской культурной группы: 1 — Хабарное I к. 13; 2 — Тасты-Бутак 1 огр. 39; 3 — Тасты-Бутак 1 огр. 22/2; 4 — Тасты-Бутак 1 огр. 48. Источники: 1 — [44]; 2—4 — [38]

Антропологические определения имеются для обоих костяков из огр. 39 и огр. 48 могильника Тасты-Бутак 1. В огр. 39 костяк на левом боку принадлежал мужчине возмужалого возраста, а костяк на правом боку с браслетом на левой руке — подростку 9—10 лет. В рассматриваемом могильнике во всех имеющихся погребениях с антропологическими определениями и украшениями, за исключением единственного одновременного погребения огр. 30/1, на левом боку положены покойники мужского пола, на правом — женского. В огр. 48 на правом боку находилась женщина возмужалого возраста, а лежащий на левом боку костяк принадлежал подростку 12 лет. В огр. 22/2 определен только возраст младшего покойника, положенного на правом боку, — подросток 12 лет. Следует согласиться с автором, полагавшим, что в огр. 48 захоронена женщина с мальчиком-подростком, а в огр. 22/2 — мужчина с девочкой-подростком [38, с. 24, 92, табл. 4].

В Хабарное огр. 13 костяк на левом боку определен как принадлежащий мужчине возраста *Adultus* [1, табл. 1], о возрасте лежащего вместе с ним костяка на правом боку с браслетами на обеих руках известно только со слов автора раскопок, что это был «ребенок с молочными зубами» [44, с. 8—9], но размер скелета не позволяет считать его ребенком *Infantilis I*.

Рассмотренные погребения как будто бы дают основания предполагать, что в кожумбердынских популяциях биологический возраст индивидов, которые воспринимались уже не как дети, был достаточно ранним и начинался примерно, видимо, с 9 лет. Индивидов из кожумбердынских парных погребений возраста *Infantilis II* (от 8—9 до 12—13 лет) мы причисляем к подросткам сугубо по биологическому возрасту. А вот выделение социальной группы подростков в кожумбердынском обществе требует привлечения к анализу также и одиночных погребений разных возрастных групп. Поэтому сейчас трудно сказать, выделялись ли подростки в кожумбердынском обществе как отдельная социальная группа. Тем не менее примечательно, что нет парных погребений взрослых с индивидами младше 9—10 лет, т.е. возраста *Infantilis I*, последние, несомненно, воспринимались как дети. Возраст девушки из одновременного погребения Тасты-Бутак 1 огр. 43 — 14—16 лет и к ней подхоронен взрослый мужчина. Отметим, что во всех одновременных погребениях находились индивиды одной возрастной группы (9 взрослых, 1 детское), по всей вероятности, девушка из этого погребения считалась в кожумбердынской популяции уже взрослой. Вероятно, взрослым же считался подросток 12 лет, захороненный с возмужалой женщиной в погребении Тасты-Бутак 1 огр. 48.

Подростки, подростки с детьми и дети

В совокупности в эти группы включено 21 (47,2%) погребение. Их можно было бы рассмотреть в рамках единой подростково-детской группы, однако широкий диапазон возраста захороненных индивидов от 4 до 13 лет и то обстоятельство, что в некоторых случаях, как было показано выше, возраст 9—12 лет мог восприниматься носителями кожумбердынской культурной традиции как рубеж окончания детства, все-таки предполагает их рассмотрение по отдельным группам.

В группу подростков включены 13 погребений (29,5% от всей выборки; 61,9% от подростково-детских) (рис. 6), в группу подростков с детьми всего 2 погребения (4,5% от всей выборки; 9,5% от подростково-детских) (рис. 7) и в группу детей — 6 погребений (13,6% от всей выборки; 28,6% от подростково-детских) (рис. 8).

Подростки

В 6 (46,1%) из 13 погребений этой группы имеются антропологические определения возраста обоих погребенных (табл. 4). Нижняя возрастная граница покойников из этих погребений — 8—9 лет, верхняя — 12—13 лет. В двух погребениях возраст покойников совпадал, в погребении Ново-Аккермановка огр. 8 обоим индивидам на момент смерти

было по 10—11 лет, в Ташла-1 2/10 — по 11—13 лет. В трех случаях отмечается небольшая возрастная разница между погребенными, примерно в 3 года (табл. 4). Причем младшим покойником мог быть как предположительно мальчик в погребении Тасты-Бутак 1 огр. 22/4 (8—9 и 10—12 лет), так и девочка в погребениях Тасты-Бутак 1 20/3 (8 и 11—12 лет) и Ташла 1 2/12 (9—10 и 12—13 лет).

Рис. 6. Парные погребения подростков кожумбердынской культурной группы: 1 — Турсумбай II огр. 6/2; 2 — Турсумбай II огр. 6/3; 3 — Турсумбай II огр. 26/1; 4 — Байту I огр. 4/2; 5 — Ново-Аккермановка огр. 8; 6 — Чапаевский V; 7 — Ташла-1 к. 2/14; 8 — Ташла-1 к. 2/12; 9 — Ташла-1 к. 2/10; 10 — Хабарное I к. 6; 11 — Хабарное I к. 20; 12 — Тасты-Бутак 1 огр. 20/3; 13 — Тасты-Бутак 1 огр. 22/4. *Источники:* 1—3 — [15]; 4 — [14]; 5 — [27]; 6 — [4]; 7—9 — [37]; 10, 11 — [44]; 12, 13 — [38]

Подросток с ребенком

Всего 2 погребения отнесено к этой группе, оба происходят из одного могильника (Ташла-1 1/4 и 2/17). В погребении Ташла-1 1/4 подросток 11—12 лет был захоронен с

ребенком *Infantilis I* (судя по браслету, девочкой). В погребении Ташла-1 2/17 подросток 9—10 лет был захоронен с ребенком 3—4 лет [26].

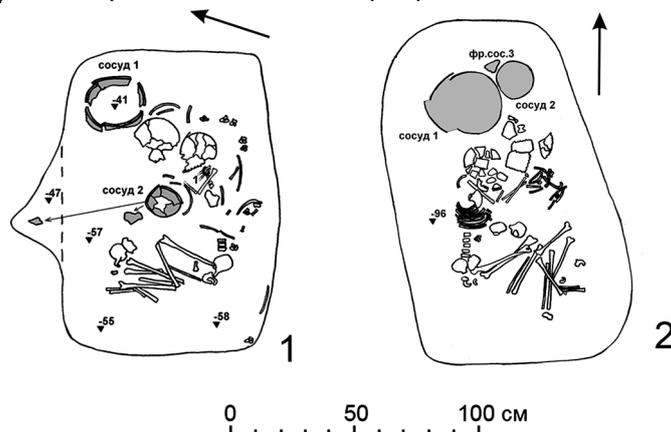

Рис. 7. Парные погребения подростка с ребенком кожумбердынской культурной группы: 1 — Ташла-1 к. 1/4; 2 — Ташла-1 к. 2/17. Источники: 1 — [36]; 2 — [37]

Дети

Только в трех погребениях детей из шести возраст определен антропологом. В двух из них находились дети, равные друг другу по годам: в Тасты-Бутак 1 огр. 2 захороненным детям было по 4 года [38, с. 10; 5, с. 187], в неодновременном (?) погребении Ташла-1 2/11 — по 6—7 лет. В самой маленькой по размерам могильной яме Ташла-1 2/21 возраст детей определен антропологом как $0 \leq 7$ [26], треть этой могилы занимают сосуды, здесь в паре могли быть погребены дети, возраст которых менее 4 лет.

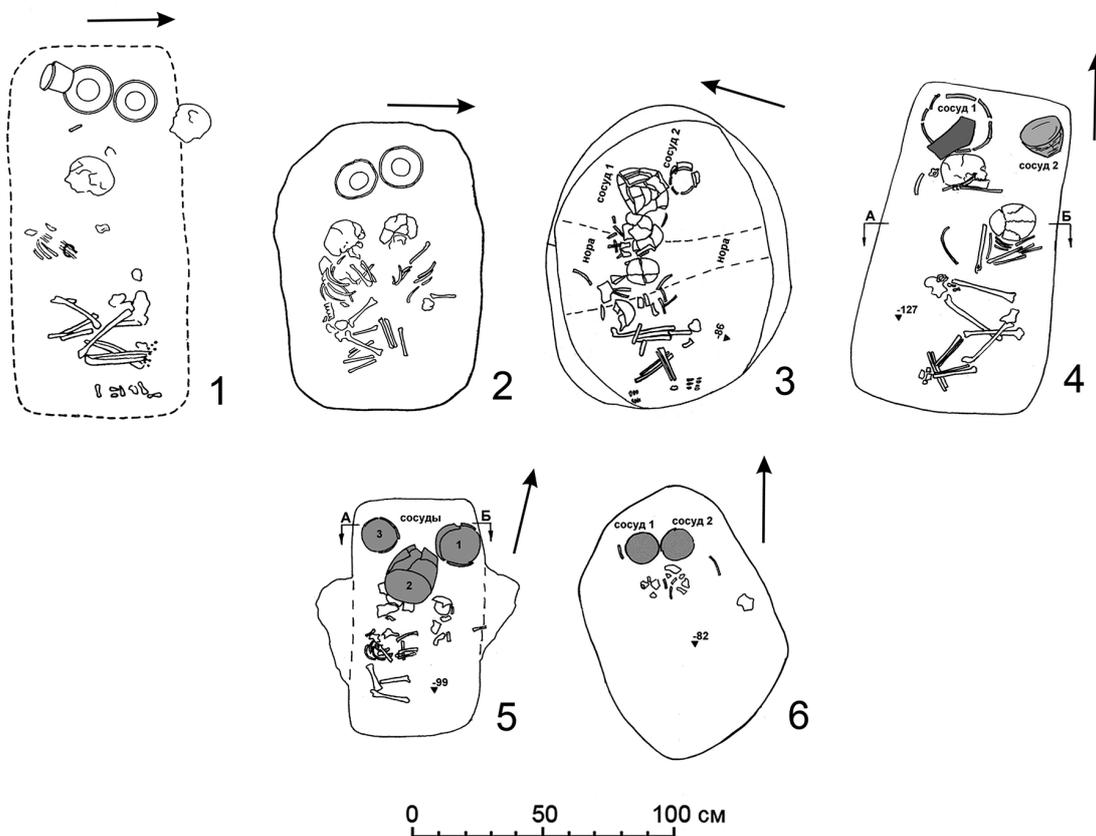

Рис. 8. Парные погребения детей кожумбердынской культурной группы: 1 — Тасты-Бутак 1 огр. 25/2; 2 — Тасты-Бутак 1 огр. 2; 3 — Ташла-1 огр. 1/1; 4 — Ташла-1 огр. 2/11; 5 — Ташла-1 огр. 2/21; 6 — Ташла-1 огр. 2/15. Источники: 1, 2 — [38]; 3 — [36]; 4—6 — [37]

Группы одновременных взрослых, подростковых и детских погребений объединяет то, что в паре могли захораниваться как одновозрастные покойники, так и с некоторой разницей в возрасте, причем несколько старше по возрасту в паре могли быть как мужчина, так и женщина. В неодновременных погребениях взрослых наблюдается четкая закономерность: женщина всегда младше мужчины, независимо от того, подхоранивалась она или подхоранивали к ней.

Антропологические определения пола обоих костяков имеются только у 7 взрослых пар — 3 одновременных и 4 неодновременных, что составляет 36,8% от всех взрослых погребений и 15,9% от всей выборки. Во всех этих случаях были определены разнополые пары, и в 4 из них женщина сопровождается украшениями (табл. 4).

Антропологическое определение пола только одного из покойников осуществлено в 6 погребениях. В 2 погребениях взрослых пол одного из погребенных определен как женский (Кунакбай-сай огр. 2, Тасты-Бутак 1 огр. 30/1) и в 2 (Кожумберды огр. 3, Ташла-1 к. 4/2) — как мужской. Еще в 2 погребениях взрослых с подростками (Тасты-Бутак 1 огр. 39 и Хабарное I огр. 13) взрослый костяк определен как принадлежащий мужчине. И здесь антропологически определенные взрослые женщины были с украшениями, равно как и подростки¹, захороненные вместе с мужчинами, украшений не найдено у индивида, захороненного с мужчиной из потревоженной могилы Ташла-1 к. 4/2.

В 14 захоронениях — 6 взрослых, 6 подростков, по одному подростка с ребенком и детским, где не имелось квалифицированных определений пола костяков, украшения были найдены только у одного из покойников. На основании антропологических определений, подтверждающих корреляцию женского пола погребенных с наличием у них украшений, не будет ошибкой предполагать женский пол костяков без профессиональных антропологических определений, но имеющих украшения.

Таким образом, разнополость покойных можно констатировать в 26 (59,1%) погребениях. Несмотря на то что в 18 (40,9%) захоронениях (3 взрослых, 2 взрослого с подростком, 7 подростковых, 1 подростка с ребенком и 5 детских) отсутствует поломаркирующий инвентарь, есть основания считать эти погребения разнополыми. Поскольку, во-первых, нет ни одного подтвержденного случая однополости покойных, останки которых изучены антропологами, и, во-вторых, во всех случаях наличия украшений в погребениях, независимо — снабженных антропологическими определениями или без таковых, они имелись только у одного покойника, что не оставляет нам возможности для иных толкований половой принадлежности погребенных без антропологических определений и поломаркирующего инвентаря.

Количество погребений на погребальной площадке

В большинстве случаев (29, или 85,3%) парные погребения были единственными таковыми на погребальной площадке, 21 из них происходит из одномогильных комплексов. В 8 случаях кроме парного погребения на погребальной площадке находились и одиночные захоронения: в 4 из них это было одно индивидуальное погребение, в 2 — два, и по 1 разу на площадках с парным погребением находилось по три и пять одиночных захоронений. Во всех случаях повторяющегося количества одиночных погребений, совершенных на одной площадке с парными, ни разу не зафиксировано, чтобы половозрастные данные индивидов из одиночных погребений совпадали (табл. 5).

¹ В отчете Э. А. Федоровой-Давыдовой в описании Хабарное I огр. 13 говорится, что «на руках женщины одеты бронзовые браслеты» и «предплечья ребенка были зажаты между костями предплечий женщины» [44, с. 9]. Однако внимательное изучение фотографии позволило установить, что браслеты были на руках у младшего по возрасту покойника, а между его предплечьями находятся руки взрослого костяка, определенного В. П. Алексеевым как молодой мужчина [1, с. 26, табл. 1].

Таблица 5

Комбинации единственного парного погребения с одиночными захоронениями на одной погребальной площадке

Парное погребение	Индивиды из одиночных погребений, возраст и пол							
	ребенок				взрослый			
	младенец, пол неопр.	старше года, пол неопр.	старше года, ♀ по украш.	(12—14) 16—17, ♀	55—60, ♂	Maturus II, ♂	♂	неопр.
1. Байту II огр. 9/1 неоднорем. взр.	+?							
2. Тасты-Бутак огр. 30 неоднорем. взр.								+ (тс)
3. Березовский V к. 6/1 неоднорем. взр	+			+	+			++ (тс)
4. Ибрагимовский II к. 9/1 взр.		+						++
5. Ташла-1 к. 4/2 взр.						+		
6. Кожумберды огр. Д/1 взр.			+				+	
7. Турсумбай II огр. 26/1 подр.			+					
8. Тасты-Бутак 1 огр. 20 подр.			++					

Примечание: тс — трупосожжение.

По два парных погребения на одном погребальном пространстве зафиксировано в 4-х случаях (11,8%) и единственный раз (2,9%) в пределах погребальной площадки находилось семь парных погребений (табл. 6).

Таблица 6

Количество парных погребений в погребальных сооружениях из разных микрорайонов

Микрорайон	1 парное погребение	2 парных погребения	7 парных погребений	Всего
	Количество погребальных сооружений			
Северо-западный	4	1	1	6
Юго-западный	10	—	—	10
Юго-восточный	15	3	—	18
Всего	29	4	1	34

Случаи нахождения двух могил с парными погребениями на одной погребальной площадке представлены также разными сочетаниями: взрослых и подростков (Байту I огр. 4/1 и 4/2), взрослого с подростком и подростков (Тасты-Бутак 1 22/2 и 22/4), подростков и подростков (Турсумбай II огр. 6/2 и 6/3), подростка с ребенком и детей (Ташла-1 к. 1/1 и 1/4). Не прослежено случаев нахождения двух парных погребений взрослых в пределах одной погребальной площадки.

Только в одном случае в огр. 4 Байту I кроме двух парных погребений на погребальной площадке не было других захоронений. В трех оставшихся случаях помимо двух парных погребений на площадке находились еще и одиночные захоронения: одно детское (Турсумбай II огр. 6), три детских (Тасты-Бутак 1 огр. 22), два взрослых (Ташла-1 к. 1) (табл. 7).

Комбинации двух парных погребений с одиночными захоронениями
 на одной погребальной площадке

Парные погребения на одной площадке	Индивиды из одиночных погребений, возраст и пол			
	ребенок		взрослый	
	♀ по украш.	пол неопр.	♂	пол неопр.
1. Байту I 4/1 взр. и 4/2 подр.				
2. Тасты-Бутак I 22/1 взр. с подр. и 22/4 подр.	+	++		
3. Турсумбай II 6/2 подр. и 6/3 подр.		+		
4. Ташла-1 1/4 подр. с реб. и 1/1 дети			+	+

Единственный случай нахождения семи парных погребений на одной погребальной площадке представлен парными детско-подростковыми погребениями из кургана 2 Ташлы-1, где помимо них находились еще 14 одиночных погребений: 3 взрослых и 11 детских.

Таким образом, предпочтительным являлось размещение одного парного погребения в одном погребальном сооружении. Немногочисленные исключения представлены в основном размещением двух парных погребений в одном сооружении, что наблюдается в трех могильниках юго-восточного — Тасты-Бутак 1, Байту I, Турсумбай II и одном — Ташла-1 северо-западного районов (табл. 6). В Ташле-1 зафиксирован исключительный случай размещения семи парных погребений на одной погребальной площадке.

Ни в одном случае не зафиксировано повторяющихся комбинаций парных погребений, находящихся совместно на одной площадке, равно как и комбинации парного погребения с одиночным/одиночными. Это обстоятельство свидетельствует об отсутствии строго выработанных правил формирования комплексов с парными погребениями. Имеющееся разнообразие сочетаний, скорее всего, является отражением естественного отбора лиц, похороненных с парой на одной площадке. Думается, что эти сочетания не были срежиссированы (искусственно созданы), например, для реализации мифологического сюжета (или мифологемы), как это, вероятно, имело место в более раннее время [23]. В них нет искусственной закономерности, сама смерть отбор их.

Здесь возникает вопрос о связи людей, захороненных в пределах одной площадки вместе с парой. Первая мысль, приходящая в голову, — о родственных связях. Так, в свое время Е. Е. Кузьмина считала детьми брачных пар ребенка и одного из пары подростков, захороненных вместе с ними в пределах одного сооружения (Байту I огр. 4, Байту II огр. 9). У нас нет ответа на этот вопрос, нет данных ДНК, чтобы подтвердить или опровергнуть родственные связи индивидов из одиночных захоронений по отношению к парам, находящимся вместе с ними на одной погребальной площадке.

Локализация парных погребений на погребальной площадке

Большинство из 19 погребений *взрослых* находились в центре погребальной площадки — 17¹ (89,5%). Периферийное положение могильных ям с парными погребениями *взрослых* зафиксировано в двух (10,5%) случаях — одновременном Байту II 9/1 и одно-

¹ В их число включено погребение Ташла-1 4/2, хотя на плане кургана его центр не маркирован погребением. Это погребение, согласно плану, находится под восточной полкой кургана, а еще одно (одиночное) — в западной [37, рис. 106]. Такая локализация парного погребения вызывает некоторые сомнения. Не исключено, что исследователи кургана при сносе бульдозером насыпи ошиблись с определением центра, который на самом деле маркировался парным погребением Ташла-1 4/2. Погребение Ибрагимовский II 9/1 также учтено как центральное, оно находилось на уровне погребенной почвы в центральном кольце, к которому были пристроены 2 малых кольца с погребениями. Помимо него в центральном кольце располагалось еще одно погребение, углубленное в материк, названное авторами основным [7, с. 76].

временном Кожумберды Д/1, однако планиграфия могил в сооружениях, из которых они происходят, не совсем вписывается в стереотипные стандарты схемы «центр — периферия». В огр. 9 Байту II две имеющиеся могилы — и парное взрослых (п. 1), и одиночное ребенка (п. 2) — располагались в северной части погребальной площадки, а центральная и южная ее части оставлены свободными от погребений. В кольце Д Кожумберды три могилы на погребальной площадке были расположены в ряд на одной линии с северо-запада на юго-восток. Могила с парным погребением была замыкающей в этой линии с северо-западной стороны. Разобранные камни оградки с этой стороны свидетельствуют о том, что парное погребение 1 было пристроено позже погребений 2 и 3.

Из 17 центральных погребений взрослых 12 (70,6%) происходит из одномогильных комплексов. В 5 (29,4%) случаях помимо центрального парного погребения взрослых на погребальной площадке располагались и другие погребения, в основном одиночные (см. выше).

Все четыре погребения *взрослого с подростком* находились в центре погребальной площадки. Одно из них (Тасты-Бутак 1 огр. 22/2) происходит из одномогильного комплекса, остальные были единственными погребениями в сооружениях.

Более половины из 13 могил *подростков* — 7 (53,8%) находились в центре погребальной площадки. Из них четыре происходят из одномогильных комплексов и три из сооружений с двумя (Турсумбай II огр. 26/1) и тремя (Турсумбай II огр. 6/3, Тасты-Бутак 1 огр. 20/3) могилами. Одномогильные сооружения с погребениями подростков имеют небольшие размеры и расположены в могильниках, где исследованные сооружения представлены в основном одномогильными погребальными комплексами, — Ново-Акермановка огр. 8, Хабарное I к. 6 и к. 20, Чапаевский V.

На периферийных участках погребальных площадок находились 6 (46,2%) парных погребений подростков, 4 из них в северной части площадки, 2 — в южной. В северной части площадок располагались погребения подростков из Байту I огр. 4/2 и Ташла-1 к. 2/10, 2/12, 2/14, в южной — Турсумбай II огр. 6/2 и Тасты-Бутак 1 огр. 22/4. Возможно, это совпадение, но отметим, что могильники Турсумбай II и Тасты-Бутак 1 находятся в юго-восточном микрорайоне, что не исключает нормированность размещения могил парных погребений подростков в этой локации.

Одно из двух погребений *подростка с ребенком* располагалось в северной части погребальной площадки (Ташла-1 2/17), другое — в западной поле (Ташла-1 1/4)¹.

Всего 2 (25%) *детских* парных погребения из 6 локализовались в центре погребальной площадки и были единственными в сооружениях. Оба происходят из одного могильника Тасты-Бутак 1: погребения огр. 2 и огр. 25/2², имеющие очень небольшой размер. Все 4 (75%) периферийных погребения детей происходят из одного могильника Ташла-1: в к. 1 детское погребение находилось в юго-западном секторе кургана, а в к. 2 три детских погребения размещены в северной части погребальной площадки.

¹ Однозначное определение локализации на погребальной площадке второго парного погребения подростка с ребенком Ташла-1 1/4 вызывает сложности из-за особенностей формирования кургана. Упомянутое погребение находится в геометрическом центре подкурганной площадки. С юго-западной стороны полукругом к нему расположены три погребения (парное детское и два взрослых), а с восточной стороны находится каменное кольцо с центральным погребением в каменном ящике, с внешней стороны к кольцу примыкают захоронения младенцев. Наиболее вероятно, что первоначально было сооружено каменное кольцо с центральным захоронением, а погребение Ташла-1 1/4 и окружающие его полукольцом захоронения были совершены (пристроены) позже. Несмотря на формально геометрическое центральное расположение погребения Ташла-1 1/4, его все-таки мы должны отнести к периферийным, расположенным в западной поле [32, рис. 2, 3].

² Это захоронение причислено к центральным с оговоркой. Оградка 25 состоит из двух смыкающихся оградок, и в центре каждой находилось погребение.

Определяющим критерием при выборе местоположения могилы с парным захоронением на погребальной площадке являлся возраст покойников. Парные погребения взрослых и взрослого с подростком по центральному расположению на погребальной площадке имеют близкие показатели, соответственно 84,9 и 100% (табл. 8). Исключения в группе захоронений взрослых представлены погребениями на периферийных участках погребальных площадок, где отсутствует выраженный иерархический принцип планировки (Байту I огр. 9/1 и Кожумберды Д). Количество расположенных в центре погребальной площадки парных погребений остальных возрастных групп неуклонно снижается в соответствии с возрастом: подростковых — 53,8%, детских — 33,3%.

Таблица 8

Локализация возрастных групп парных погребений на погребальной площадке

Возрастная группа	Локализация погребений на погребальной площадке			
	центр		периферия	
	Число	%	Число	%
Взрослые	17	89,5	2	10,5
одновременные	9	90	1	10
неодновременные	8	88,9	1	11,1
Взрослый + подросток	4	100	—	—
Подростки	7	53,8	6	46,2
Подросток с ребенком	—	—	2	100
Дети	2	33,3	4	66,7
одновременные	2	40	3	60
неодновременные	—	—	1	100

Могильные сооружения

Большинство могил 42 (95,5%) оформлено как простые грунтовые ямы, углубленные в материк. В двух случаях (4,5%) их устройство было иным: в погребении Ибрагимовский II 9/1 взрослых захоронили на уровне погребенной почвы, в Тасты-Бутак 1 огр. 48 взрослого с подростком положили в каменный ящик глубиной 80 см.

Не прослежены конфигурации трех грунтовых ям (Кунакбай-сай огр. 1 и 2, Ново-Аккермановка огр. 8). В остальных случаях практически во всех возрастных группах преобладали подпрямоугольные ямы с закругленными углами. Отличные от нормы конфигурации могил прослежены в Ташле-1: в двух случаях конфигурация могил близка к овальной — у взрослых и детей (рис. 3, 7; 8, 3), аморфная форма, слегка напоминающая ромбическую, — у детей, две могилы подростков также имели аморфную конфигурацию, в одном случае близкую к ромбической, где погребенные также были ориентированы головой в сторону угла ромба (рис. 8, 6; 6, 7, 8).

Дополнительные конструкции и детали грунтовых ям прослежены только в 4 (9,1%) погребениях взрослых. Из них сходство конструкций наблюдается у 3 могил, происходящих из некрополей юго-западной группы Гурюльдек и Урал-сай: в грунтовой яме был устроен деревянный сруб/рама, а пространство между ним и стенками ямы выложено камнями. Эти могилы отличаются также внушительными размерами, как и курганы, в которых они расположены, особенно это касается двух могил из Гурюльдек с неодновременными погребениями. Могила из Урал-сай к. 8 была перекрыта поперечным бревенчатым накатом [6, с. 185]. Могильная яма из Гурюльдек к. 2 была завалена массивными каменными глыбами [3, с. 267].

Еще одна могила взрослых (Кожумберды огр. 2), происходящая уже из некрополей юго-восточной группы, была оконтурена небольшими плоскими камнями на уровне материка [17, с. 21].

Перекрытий могил как таковых, кроме упомянутого случая Урал-сай к. 8, не зафиксировано. Однако не исключена вероятность их наличия, исходя из находок камней в заполнении двух детских могил Ташла-1 к. 2/11 и 2/21. В погребении Ташла-1 к. 2/11 камни находились непосредственно на костях скелетов и на сосуде, что дает возможность предполагать наличие деревянного перекрытия могилы с редкими камнями на нем.

Органические остатки на дне: подстилки и следы ритуальных действий

Следы подстилок на дне могил прослежены только в двух подростковых погребениях из Турсумбай II огр. 6/3 и огр. 26/1, они имели темно-бурый цвет. По данным Е. Е. Кузьминой, в этом некрополе дно многих могил «было устлано камышовой подстилкой или кошмой, от которой часто сохраняется тлен. Эта особенность специфична для погребений Турсумбая» [15, с. 38].

Мелкие угольки на дне ямы зафиксированы только в погребении взрослых Кожумберды огр. 2, где они локализовались на месте отсутствующих черепов и около сосуда [17, с. 21].

Размеры могил

На графике соотношения могил по длине и ширине далеко за пределами основного достаточно компактного скопления оказались две могилы с неодновременными погребениями взрослых из Гурюльдек к. 1 и 2, имеющие очень большие размеры — $3 \times 2,7$ м и $4,5 \times 3$ м (рис. 9, II).

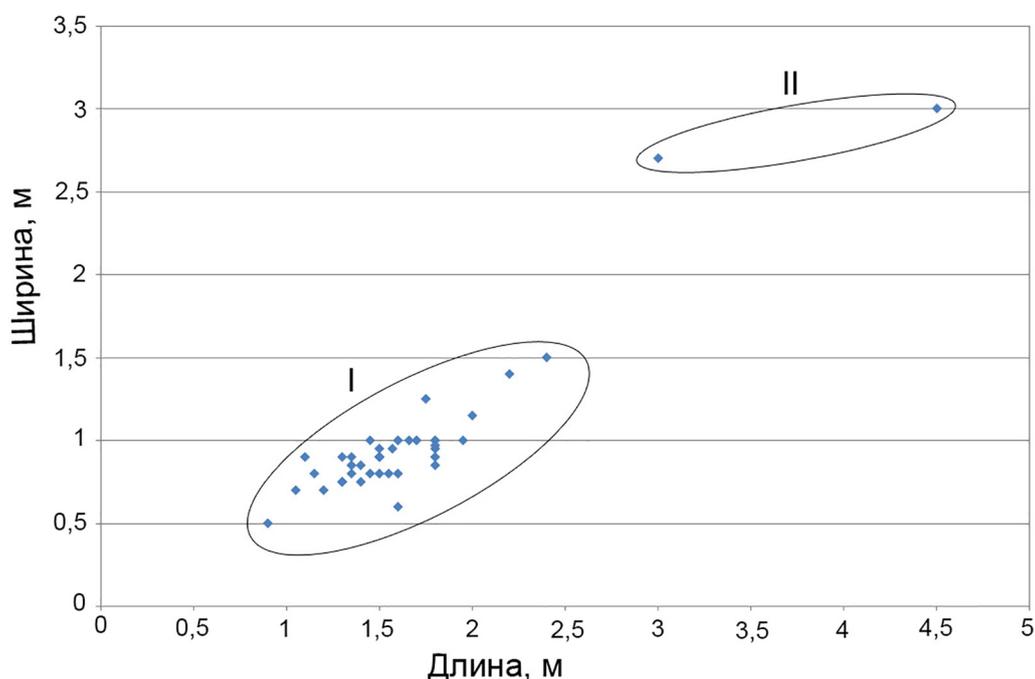

Рис. 9. Группировка могильных ям парных погребений кожумбердынской культурной группы по длине и ширине. I — скопление основной части могил, II — могилы из курганов 1 и 2 Гурюльдека

Рассмотрим теперь отдельно график основного скопления сооружений без этих могил с неординарными размерами, которые не позволяют сфокусироваться на особенностях распределения основной выборки могил (рис. 10).

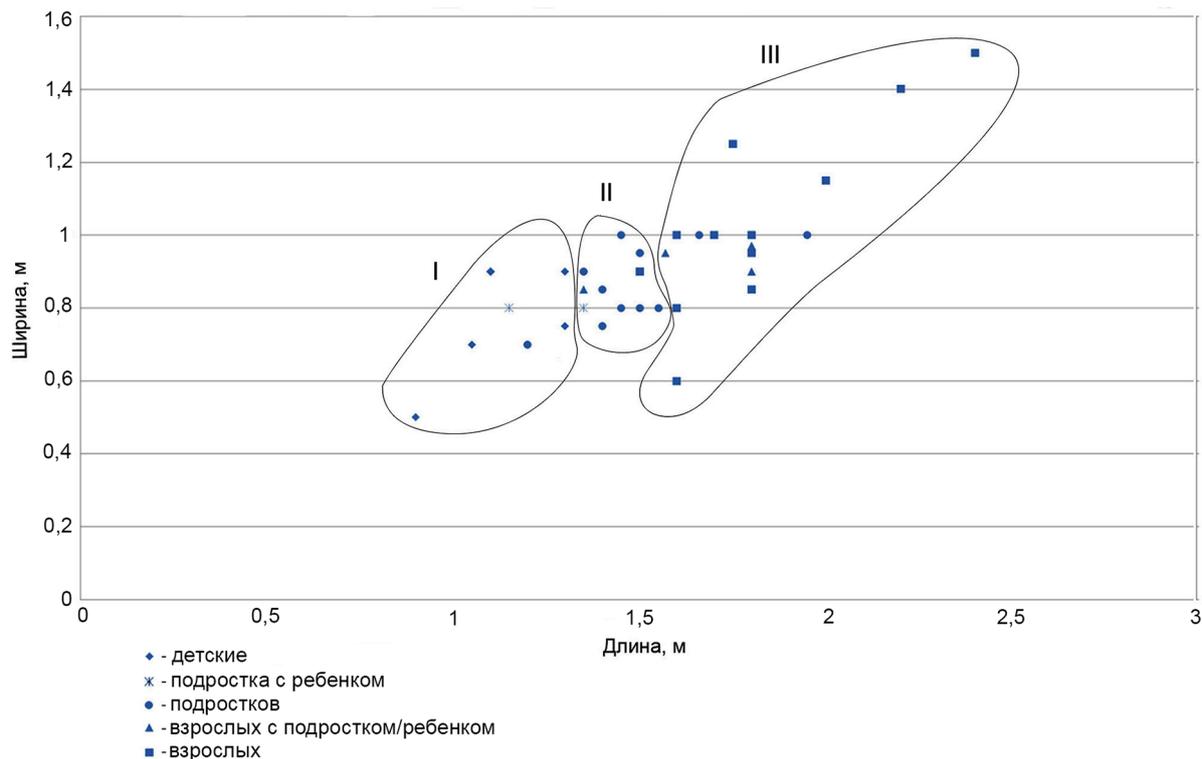

Рис. 10. Группировка могильных ям парных погребений кожумбердынской культурной группы по длине и ширине без могил курганов 1 и 2 Гурюльдек. I — зона детских могил, II — зона подростковых могил, III — зона взрослых могил

На графике основная масса значков могил образует непрерывную последовательность, в которой сосредоточены могилы длиной от 1,05 до 1,95 м и шириной от 0,7 до 1 м. Вне этого скопления находятся несколько могил с отличающимися от обозначенных параметров размерами. Это могила детей с наименьшими по всей выборке показателями длины и ширины 0,9×0,5 м, могила с одновременным погребением взрослых Ново-Аккермановка огр. 4 с аномально малой шириной — всего 0,6 м и четыре могилы взрослых длиной от 1,75 до 2,4 м и шириной от 1,15 до 1,5 м, которые можно отнести к большим. В целом же график демонстрирует вполне закономерные тенденции увеличения размеров могил в зависимости от возраста погребенных (рис. 10). В отношении погребения Ново-Аккермановка огр. 4 можно сказать, что ее незначительная ширина подтверждает версию об изначальном предназначении для одиночного захоронения, высказанную В. С. Сорокиным [38, с. 105—106].

С некоторой долей условности можно выделить зоны *детских*, *подростковых* и *взрослых* могил. В зоне *детских могил* находятся сооружения длиной от 0,9 до 1,3 м, шириной от 0,5 до 0,9 м (рис. 10, I). В зоне основного скопления *подростковых могил* длина сооружений варьирует от 1,35 до 1,55 м, ширина — от 0,9 до 1 м (рис. 10, II). Зона *взрослых могил* включает сооружения длиной от 1,6 до 2,4 м, шириной от 0,6 и до 1,5 м (рис. 10, III). Выделенные зоны очень плотно соприкасаются друг с другом — очень маленькие интервалы между показателями предельной длины детских могил и самой малой длины подростков — всего 5 см, и те же 5 см длины могилы отделяют зону подростковых погребений от взрослых.

Детские могилы целиком находятся в пределах своей зоны. Две могилы *подростков с детьми*, происходящие из одного могильника Ташла-1, оказались в разных зонах, одна в детской — Ташла-1 1/4 (1,15 × 0,8 м), другая в подростковой — Ташла-1 2/17 (1,35 × 0,8).

Три могилы *подростков* находятся вне пределов зоны подростковых могил. Могила из Турсумбая II 26/1 размером 1,2×0,7 м, в которой погребенные автором раскопок определены как «подростки» 8—10 лет, оказалась в зоне детских сооружений. Две могилы подростков из Хабарного I с размерами 1,66×1 м и 1,95×1 м оказались в зоне могил взрослых.

Большинство могил *взрослого с подростком* (3 из 4-х) закономерно находятся в зоне взрослых могил и только одна из них оказалась в зоне подростковых — Тасты-Бутак I огр. 48 (каменный ящик размером 1,35×0,85 м). Сложно объяснить, почему для парного захоронения был сооружен каменный ящик относительно небольших размеров, в то время как подавляющее большинство каменных ящиков с одиночными погребениями взрослых в Тасты-Бутаке I имеют большие размеры [38, табл. 2, с. 51].

Две могилы *взрослых*, совпадающие по размерам 1,5×0,9 м, попали в пределы зоны подростковых могил — Кожумберды огр. Д и не одновременное Байту II 9/1 из-за показателя длины. Она у них всего на 10 см меньше минимального значения длины могил из зоны взрослых захоронений. Отметим, что обе эти могилы находятся не в центре, а на периферийных участках подкурганых площадок.

В целом могилы взрослых по размерам можно разделить на три группы: средних длиной от 1,5 до 1,8 м, шириной от 0,8 до 1 м, в этой группе 8 погребений: Байту I огр. 4/1, не одновр. Байту II огр. 9/1, Кожумберды огр. 3, не одновр. Тасты-Бутак I огр. 4, 5, 30/1, 38, не одновр. 43; больших длиной от 1,75¹ до 2,4 м, шириной от 1,15 до 1,5 м, в этой группе 4 погребения: Ташла-1 огр. 4/2, Кожумберды огр. 2, не одновр. Березовский V к. 6/1, Урал-сай к. 8 и сверхбольших, это вышеупомянутые два погребения из к. 1 и 2 могильника Гурюльдек с размерами 3×2,7 м и 4,5×3 м. Все усложненные конструкции могил прослежены только у больших и сверхбольших могил взрослых. В группе могил больших размеров дополнительных конструкций не прослежено в двух, происходящих из северо-западной группы могильников — Березовский V к. 6/1 и Ташла-1 к. 4/1.

Весьма незначительный интервал длины могил, отделяющий могилы подростков от детских и взрослых, а также нахождение некоторых подростковых могил в зоне детских и взрослых, возможно, обусловлены переходным (нестабильным) социальным статусом подростков — в каких-то случаях детским, а в каких-то взрослым.

Нарушенность погребений

Нарушенные парные погребения кожумбердынской культурной группы подробно рассмотрены в отдельной статье [35], поэтому здесь лишь вкратце остановимся на основных характеризующих их моментах. Из 44 погребений нарушена значительная часть — 33 (75%), из них намеренно нарушены 23² (69,7%), 10 (30,3%) нарушены нормными животными.

Сфокусируем свое внимание на группе намеренно нарушенных погребений, чтобы дать ответы на вопросы: 1) когда происходили нарушения, 2) степень нарушенности косяков и 3) цели нарушений.

Намеренно нарушенных в целом по выборке среди *одновременных* погребений — 19 (55,9%), *неодновременных* — 4 (40%). Они происходят из 9 могильников, не нарушены погребения из 4 могильников — Березовский V, Гурюльдек, Байту I и II.

Более всего от намеренного нарушения пострадала группа одновременных погребений взрослых — 8 (80%), нарушения неодновременных погребений взрослых совершались примерно в два раза реже — 4 (44,4%), в целом по группе взрослых на нарушенные

¹ Только могила Ташла-1 4/1 имеет длину 1,75, остальные три сооружения от 2 м.

² С привлечением в выборку неодновременного погребения 5 Тасты-Бутак I изменилось количество нарушенных погребений, вместо 22 стало 23. Это не повлияло на основные выводы статьи.

погребения приходится более половины выборки — 12 (63,2%). По количеству нарушений со взрослой группой сопоставима подростковая группа погребений, где нарушенных погребений 8 (61,3%). В группе взрослого с подростком нарушена половина погребений — 2 (50%). Менее всего намеренных нарушений приходится на группу детских и подростково-детских погребений, где из 8 погребений только 1 (12,5%) имеет следы нарушений.

По степени нарушенности скелетов потревоженные *одновременные* погребения разделяются на две сопоставимые по количеству группы. В 1-й останки обоих погребенных нарушены в равной степени — 10 (52,6%), в этой группе преобладают погребения с нарушениями скелетов до костей таза и/или бедренных. Во 2-й группе останки одного из покойников потревожены больше, таких погребений 9 (47,4%) (табл. 9). Как правило, в большей степени здесь нарушены женские костяки, и характерной особенностью акта нарушения являются манипуляции с их черепом (изъятие, разбивание). В этой группе наблюдается различие в нарушении подростковых и взрослых погребений — нарушения взрослых останков более масштабны.

Таблица 9

Распределение 1 и 2 типов нарушенности в возрастных группах одновременных парных погребений кожумбердынской культурной группы

Возрастная группа	1 тип нарушенности: оба костяка в равной степени		2 тип нарушенности: один из костяков значительнее	
	кол-во	%	кол-во	%
Взрослые	5	62,5	3	37,5
Взрослый с подростком	1	50	1	50
Подростки	3	37,5	5	62,5
Дети	1	100	—	—
Всего:	10	52,6	9	47,4

Нарушения *неодновременных* погребений осуществлялись реже и известны только в одном могильнике — Тасты-Бутак 1. Их всего 4, но и по ним можно говорить о более «ровном» отношении к обоим покойникам: в одном погребении — отсутствие черепов у обоих погребенных (огр. 4), в другом — нарушенность обоих до одного уровня (огр. 43). Малочисленность вторжений в неодновременные погребения, возможно, говорит об отношении современников к этим погребениям как к уже однажды нарушенным, и повторное разрушение их было не обязательным, избыточным.

Нахождение в подавляющем большинстве нарушенных могил сосудов *in situ* и точность (можно даже сказать точечность) проникновения в могилы является доказательством их нарушения современниками погребенных в ходе каких-то постпогребальных ритуалов.

Нарушение погребений эпохи бронзы исследователи связывают с идеей обезвреживания покойников [11, с. 82; 28, с. 630]. По мнению Е. В. Куприяновой, именно нарушение верхней части тел погребенных делало их безопасными [22, с. 93], что демонстрируют и кожумбердынские парные погребения как 1-й, так и 2-й групп. В этом свете напрашивается предположение, что для современников (нарушителей) большая опасность как будто исходила от покойниц. Для фактов изъятия женских черепов, возможно, подходят и другие трактовки. По мнению Э. Р. Усмановой, отмечавшей повышенное внимание нарушавших к голове женщин в андроновских могильниках, отсутствие их черепов в двух алакульских погребениях Лисаковского V некрополя объясняется стремлением добыть женский головной убор, представлявший магическую ценность [42].

Если рассматривать нарушенность кожумбердынских парных погребений с точки зрения отношения к индивидам, то в 1-й группе погребений — оно к обоим как к единому целому: если уж обезвредить, то одинаково, «муж и жена — одна...». Во 2-й группе за большей нарушенностью женских останков, чем мужских, наряду с боязнью погребенных женщин может быть отражено и некоторое пренебрежительное отношение к ним в обществе. Отметим, что сказанное не выходит за рамки умозрительности. Нельзя до конца отвергать и прагматическую версию нарушения женских останков — простое ограбление, хотя отъем металлических украшений у погребенных женщин мог быть и нормированным постпогребальным ритуалом.

Ориентировка погребенных

Ориентировка покойников головой на запад, иногда с отклонениями, является традиционной в кожумбердынских могильниках. В могильниках северо-западной группы преобладающей является ориентировка покойников головой в северный сектор, что может объясняться срубным влиянием.

В подавляющем большинстве рассматриваемых погребений ориентировки покойников не выходят за рамки принятых в могильнике.

Отклонения фиксируются в отношении 4-х (9,1%) парных погребений: детей Ташла-1 к. 1/1 и ребенка с подростком Ташла-1 к. 1/4, взрослого с ребенком Хабарное I огр. 13 и одновременного взрослых Тасты-Бутак I огр. 30. В двух случаях из них нетривиальная ориентировка сочеталась с отступлением от нормы размещения покойников на определенном боку в зависимости от пола (табл. 10).

Таблица 10

Нестандартная ориентировка покойников в кожумбердынских парных погребениях

Погребение	Ориентировка погребенных в парных погребениях	Преобладающая ориентировка погребенных в могильнике	Отступления от «нормы» парных погребений
Тасты-Бутак I 30/1	Ю	З, ЮЗ	женщина на левом боку
Хабарное I огр. 13	СВ	ЮЗ	—
Ташла 1/1	В	СВ	—
Ташла 1/4	В	СВ	девочка на левом боку

Индивиды из данных 4-х парных погребений не являлись единственными покойниками в могильниках, в отношении которых была применена нестандартная ориентировка, она практиковалась и в отношении покойников из одиночных погребений. Восточная ориентировка в Ташле-1 зафиксирована еще в одном случае — в одиночном детском погребении Ташла-1 1/6. Южная ориентировка в Тасты-Бутак I выявлена еще в трех одиночных детских погребениях [38, табл. 1]. В трех одиночных детских погребениях Хабарного I была зафиксирована северо-восточная ориентировка.

Трудно сказать, влияниями каких факторов обусловлено отклонение ориентировок погребенных в рассмотренных случаях.

Обусловленность положения на левом/правом боку в зависимости от половой принадлежности погребенного

В большинстве одиночных кожумбердынских погребений покойники независимо от пола укладывались на левый бок.

В парных погребениях положение обоих погребенных определяется в 26 (56,8%) случаях — в 18 одновременных и 8 неодновременных погребениях.

В 14 одновременных погребениях мужчины находились на левом, а женщины на правом боку, а в 4 погребениях наоборот (табл. 11).

Обусловленность положения на левом/правом боку в зависимости от пола погребенного

Возрастная группа	Общее кол-во погребений в выборке	Определимые случаи	Мужчина на левом боку, женщина на правом	Мужчина на правом боку, женщина на левом
Взрослые одновременные	10	8	8	—
Взрослые неодновременные	9	8	5	3
Взрослый с подростком	4	2	2	—
Подростки	13	5	2	3
Подросток с ребенком	2	1		1
Дети	6	1	1	—
Всего	44	25	18	7

Из 8 неодновременных погребений в 5 на левом боку находились мужчины, в 2 из них женщина положена на правый бок, в одном ничком, в 1 ее останки располагались в виде груди перед мужским скелетом и еще в 1 случае можно предполагать такую же ситуацию¹. Здесь в 2 случаях женщины были подхоронены к мужчинам (Ново-Аккермановка 8, Байту II огр. 9/1), а в 3 мужчины подхоронены к женщине (Тасты-Бутак 1 огр. 4, 5, 43). В 3 погребениях женщины находились на левом боку, а останки мужчины размещались напротив них в виде груд (Березовский V 6/1, Гурюльдек к. 2 и Тасты-Бутак 1 огр. 30/1). Во всех них женщины были подхоронены к мужчинам.

Случаи левобочного положения женщины в одновременных погребениях приходятся на 3 подростковых погребения из Турсумбай II огр. 6/2, 6/3, огр. 26/1 и одно детско-подростковое погребение Ташла-1 к. 1/4. Причем если в Турсумбае II такая ситуация характерна для всех парных погребений, то в Ташле-1 имеется погребение подростков, где, судя по украшениям, девочка была положена на правый бок (Ташла-1 к. 2/10).

Относительно левобочного положения девочек-подростков из парных погребений Турсумбая II обратимся к материалам могильника в целом. Поскольку могильник не опубликован, прибегнем к данным отчета [15], согласно которым в 13 сооружениях исследовано 19 погребений, из них 16 одиночных и 3 парных. В $\frac{2}{3}$ случаев одиночных погребений, где положение погребенных определялось, они находились на левом боку, в $\frac{1}{3}$ — на правом (табл. 12). Причем во всех 4 случаях положения на левом боку взрослых это были женщины, судя по сопровождавшим их украшениям. Взрослые же, положенные на правый бок, во всех 3 случаях не имели украшений, не исключено, что это были мужские останки. Возможно, что в этом могильнике ритуал погребения предполагал положение индивидов женского пола на левом боку, а мужского на правом как в одиночных, так и парных захоронениях. В подтверждение тому — в одиночных погребениях нет костяков на правом боку с украшениями.

Таблица 12

Положение погребенных из одиночных захоронений в Турсумбае II

Положение на левом боку		Положение на правом боку		Положение не определяется		
ребенок	взрослый	ребенок	взрослый	ребенок		взрослый
♀ по инв.	пол?	♀ по инв.	пол?	♀ по инв.	пол?	пол?
1	4	4	1	2	1	1
9; 56,3%		3; 18%		4; 25%		

¹ В это число включено погребение Тасты-Бутак 1 огр. 5, в котором от костяка женщины сохранилась перемещенная бедренная кость.

В. С. Сорокин рассматривал положение женщин на правом боку из парных и одиночных погребений Тасты-Бутака 1 как признак принадлежности к чужому роду. Е. Е. Кузьмина такое положение девочек на левом боку, а мальчиков на правом из трех погребений Турсумбая II объясняла нестрогим соблюдением ритуала в подростковых погребениях [16, с. 47]. Высказывалось мнение о том, что положение на тот или иной бок в парном погребении являлось отражением статуса покойного — у мужчины, положенного на левый бок, более высокого, чем у женщины, положенной на правый бок (см. [8, с. 219]).

Автором этих строк было высказано мнение, что отсутствие корреляции в неодновременных захоронениях между положением погребенных на том или ином боку и их полом может указывать на равноправный посмертный статус обоих индивидов [33, с. 59]. Рассматриваемые случаи неодновременных погребений взрослых представлены похоронениями женщин к мужчине, и самое простое объяснение укладывания покойницы на левый бок то, что хоронившими выбор ее положения определялся согласно правилам одиночного погребения, где большинство покойников, независимо от пола, уложено на левый бок. Во всех неодновременных погребениях, где кости ранее погребенного покойника предстают в виде груды костей, захороненный позже покойник независимо от пола положен на левый бок.

Относительно подростков погребений Турсумбай II огр. 6/2, 6/3 и 26/1 «нетрадиционное» положение девочек на левом боку может объясняться особенностями ритуала, предполагающего захоронение женщин на левом боку, а мужчин на правом в данной отдельно взятой популяции.

Особенности положения погребенных. Поза объятий

Одновременные погребения

Во всех одновременных погребениях покойники были уложены тесно прижатыми друг к другу. Более половины рассматриваемых погребений были нарушены в верхней части, что не дает возможности в полной мере определить положение рук покойных, которым нередко придавалось положение объятий.

Погребения, в которых прослеживается поза обоих покойников, ограничиваются только пятью (14,7%) случаями: это погребения взрослых Байту I 4/1 и подростков Байту I 4/2, два погребения взрослого с подростком Тасты-Бутак 1 огр. 39 и Хабарное к. 13, а также погребение подростков Турсумбай 26/1. Только в последнем из перечисленных погребений не была выражена поза объятий, здесь руки погребенных находились перед их лицами.

В остальных 4-х погребениях руки одного из погребенных заключали в объятия другого, так называемые односторонние объятия. В 3-х из них это были женские объятия, в 1-м — мужские. Единственные мужские объятия представлены в погребении взрослых Байту I 4/1, где скелет женщины «перекрывает ноги и левую руку мужчины, в то время как правая рука мужчины обнимает женщину и помещена поверх ее рук и груди» [16, с. 45]. Руки женщины при этом согнуты в локтях и находятся перед ее грудью (рис. 3, 4). Тело женщины здесь заключено в объятия рук мужчины.

В погребениях, где зафиксированы только женские объятия, они в каждом случае индивидуальны. В погребении подростков Байту I 4/2 у мальчика руки согнуты в локтях и находятся перед лицом, а обе руки девочки положены ему на шею [14, с. 44]. В погребении Тасты-Бутак 1 огр. 39 «руки мужчины расположены кистями у его лица, руки женщины “обнимают” мужчину» [38, с. 23]. На плане погребения видно, что погребенные положены тесно прижатыми друг к другу, руки мужчины согнуты в локтях и находятся перед лицом, левая рука девушки-подростка лежит поверх его рук и груди, а правая располагается под туловищем мужчины (рис. 5, 2). В погребении Хабарное к. 13 объятия

выражены иначе: предплечья молодого мужчины находились между костями предплечий подростка-девочки (рис. 5, 1). Она как бы прижимает к груди руки мужчины, особенно хорошо это видно на фото в отчете [44, рис. 32].

Еще в двух погребениях поза объятий определяется по положению частично сохранившихся фрагментов костей предплечий девочек. В погребении подростка с ребенком Ташла-1 1/4 правая рука девочки находится на шейных позвонках мальчика (рис. 7, 1). В детском погребении Тасты-Бутак 1 огр. 25/2 предплечье левой руки девочки находилось на туловище мальчика (рис. 8, 1). Положение рук мальчиков в этих погребениях не прослеживается.

Несмотря на немногочисленность случаев сохранности верхних частей скелетов, поза объятий зафиксирована в большинстве из них — в 6 из 7. Во всех случаях это были односторонние объятия, правда, с оговоркой, что в двух из них не прослеживается позиция рук одного из костяков. Женские объятия более характерны, они прослежены в 5 из 6 погребений с объятиями, правда, опять-таки с той же оговоркой, что в двух из пяти погребений положение рук мужских костяков не определяется. Мужские объятия представлены только единожды.

Поза объятий, видимо, была характерна для погребений всех возрастных групп. Достоверно установленные варианты объятий следующие: в объятиях рук одного покойника могло быть заключено тело другого — Байту I 4/1, Тасты-Бутак 1 огр. 39, руки одного покойника обхватывали предплечья другого — Хабарное I к. 13. Случай укладывания рук девочки-подростка на шею мальчика-подростка в Байту I 4/2 не в полной мере выражает объятия, однако, видимо, здесь таким образом отражены безразличные отношения между погребенными.

Нижние части погребений находятся в гораздо лучшем состоянии и проследить положение ног погребенных можно детально в 23 (67,6%) случаях. Ранее нами было выделено 4 позиции в расположении ног покойников из парных погребений [31]. Описание этих позиций и распределение имеющихся случаев в каждой возрастной группе сведено в таблицу (табл. 13).

Таблица 13

Положение ног погребенных в парных погребениях кожумбердынской культурной группы

Позиции ног	Возрастные группы					
	Взрослые одноврем.	Взрослый с подростком	Подростки	Подросток с ребенком	Дети	Всего
Позиция № 1: кости ног одного из погребенных перекрывают кости ног другого	1	1	2	2		6
Позиция № 2: голени ♂ на бедрах ♀	3	1	3		1	8
голени ♀ на бедрах ♂	1	1	1			3
Позиция № 3: кости ног «переплетены»			4		1	5
Позиция № 4: кости ног одного из погребенных находятся между костями ног другого			1			1
Не определяется	5	1	2		3	11
Всего	10	4	13	2	5	34

В 4 из 5 определяемых случаев расположения ног во взрослых погребениях согнутые в коленях ноги одного покойника находились на бедренных костях другого (позиция № 2). В 3 из этих погребений мужские ноги находились на женских бедрах (Кунакбай-сай огр. 2, Байту I 4/1, Кожумберды огр. Д/1), а в погребении Тасты-Бутак 1 огр. 38 женские ноги были положены на мужские бедра. В единственном случае кости ног мужчины перекрывали кости ног женщины (позиция № 1) — в погребении Кунакбай-сай огр. 1.

В погребениях взрослого с подростком в 2 случаях согнутые в коленях ноги младшего покойника были уложены на бедрах старшего покойника (позиция № 2), в одном случае это были ноги девочки (Хабарное I к. 13), в другом — мальчика (?) (Тасты-Бутак 1 огр. 48). Единожды (Тасты-Бутак 1 огр. 39) ноги мужчины перекрывали ноги девочки (позиция № 1).

В погребениях подростков представлены все позиции ног. Чаще всего ноги умерших подростков складывались в двух позициях: согнутые ноги одного из покойных находились на бедрах другого (позиция № 2) и ноги покойников были «переплетены» (позиция № 3), на каждую из этих позиций приходится по 4 случая. В позиции № 2, так же как и во взрослых погребениях, преобладали случаи, где согнутые ноги мужчины были положены на женские бедра, в такой позиции находились ноги покойников из 3 могил (Турсумбай II 26/1, Хабарное I к. 20, Тасты-Бутак 1 20/3) и только в погребении Турсумбай II 6/2 женские ноги находились на мужских бедрах. В позиции № 3 — «переплетенных» ног в двух случаях ноги мальчика находились снизу и обхватывали ногу девочки, а ноги девочки в верхней части «переплетения» обхватывали ногу мальчика — Ново-Аккермановка огр. 8 и Чапаевский V; в 2 случаях (Ташла-1 2/10, 2/12) зафиксирована обратная ситуация — между ног девочки, находящихся снизу, вложена нога мальчика, а между ног мальчика, расположенных с верхней стороны «переплетения», вложена нога девочки. В 2 могилах ноги одного погребенного перекрывали ноги другого (позиция № 1) и в обоих случаях ноги девочки перекрывали ноги мальчика (Байту I 4/2 и Тасты-Бутак 1 22/4). Только в погребении Турсумбай II 6/3 ноги девочки находились между ног мальчика (позиция № 4).

В обоих погребениях подростка с ребенком ноги одного из погребенных перекрывали ноги другого (позиция № 1). В Ташле-1 1/4 ноги мальчика находились поверх ног девочки, а в Ташле-1 2/17 ноги девочки находились поверх ног мальчика.

В детских погребениях единожды зафиксированы позиции № 2 и № 3. В погребении Тасты-Бутак 1 25/2 согнутые ноги мальчика находились на бедрах девочки, и в погребении Ташла-1 к. 1/1 ноги костяка, лежавшего на левом боку, находились снизу и обхватывали правую ногу костяка, расположенного на правом боку, ноги которого, в свою очередь, обхватывали правую ногу костяка, лежавшего на левом боку.

Самой распространенной позицией расположения ног покойных была та, где бедра и голени одного покойника находились на бедрах другого (позиция № 2), она зафиксирована в 11 (47,8%) погребениях и являлась преобладающей в погребениях взрослых (4), подростков (4) и взрослых с подростками (2), в группе детских погребений такое положение ног представлено единожды, а в группе подростков с детьми ее нет (табл. 13). Чаще мужские колени оказывались на бедрах женщины, чем наоборот, таковых 8 из 11 погребений.

Следующей по частоте встречаемости являлась позиция, где ноги одного из костяков перекрывали ноги другого (позиция № 1), она зафиксирована в 6 (26,1%) погребениях — в обоих погребениях подростка с ребенком и в двух захоронениях подростков, а также в одном из погребений взрослых и одном взрослого с подростком.

В 5 (21,7%) погребениях кости ног были «переплетены» (позиция № 3): в 4 подростковых и 1 детском. И только в 1 подростковом погребении ноги одного покойника находились между ног другого (позиция № 4).

Положение ног в позициях № 1 и № 2 может быть обусловлено прагматизмом: в тесном пространстве могилы такие позиции являются самыми удобными при укладывании покойников. Менее всего представленные в рассматриваемых погребениях позиции № 3 и № 4 требуют манипуляции с ногами покойных и их можно рассматривать как своеобразное выражение позы объятий, причем в позиции № 3 — взаимных, в позиции № 4 — односторонних. Обращает на себя внимание, что эти позиции встречены только в подростковых (обе позиции) и детских (позиция № 3) погребениях. Не исключено, что подросткам и детям придавали намеренно сексуальные позы, чтобы подчеркнуть, что в будущем они были обещаны друг другу именно как супруги. Положение ног погребенных в позициях № 3 и 4 можно рассматривать как проявление позы объятий, с учетом этих случаев поза объятий в выборке кожумбердынских парных погребений фиксируется в 11 (25%) определенных случаях.

Неодновременные погребения

В неодновременных погребениях поза объятий зафиксирована в двух погребениях — Байту II огр. 9/1 и Березовский V 6/1, и в обоих случаях позднее подхороненные женщины обнимают останки мужчин. В погребении Березовский V 6/1 левая рука женщины согнута и кисть подсунута под череп мужского костяка, а кисть согнутой правой руки положена на груду костей в районе условного плеча мужчины (рис. 4, 4). В Байту II 9/1, по описанию Е. Е. Кузьминой, «левая рука женщины лежала на руке и груди мужчины» [16, с. 45].

Поза объятий характерна как для одновременных, так и неодновременных погребений. Во всех случаях зафиксированы только односторонние объятия — в неодновременных только женские, в одновременных — и женские и мужские (табл. 14).

Таблица 14

Поза объятий в парных погребениях кожумбердынской культурной группы

Возрастные группы	Женщина обнимает мужчину	Мужчина обнимает женщину	Объятий нет	Поза погребенных не определяется
	кол-во; %	кол-во; %	кол-во; %	кол-во; %
Взрослые одноврем.	—	1; 10	—	9; 90
Взрослые неодноврем.	2; 22,2	—	4; 44,4	3; 33,3
Взрослый с подростком	2; 50	—	—	2; 50
Подростки	1; 50	—	1; 50	11; 84,6
Подросток с ребенком	1; 50	—	—	1; 50
Дети	1; 16,7	—	—	5; 83,3
Всего	7; 15,9	1; 2,3	5; 11,4	31; 70,4

Инвентарь

Сопровождающий покойников мужского пола инвентарь обнаружен в 6 погребениях (13,6%), и это все мелкие предметы, которые можно отнести к категории аксессуаров, амулетов и игральные/гадальные принадлежности.

В двух погребениях взрослых найдены поясные пряжки, изготовленные из створок раковин *Pectunculus aralensis* Roman, одна из них непосредственно на костях таза мужчины (Ново-Аккермановка огр. 4), другая — позади таза мужчины (Тасты-Бутак 1 огр. 43) (рис. 4, 3). В Кожумберды огр. Д местонахождение костяной трубочки с отверстием около большого сосуда, со стороны костяка, принадлежащего, видимо, мужчине, позволяет предполагать, что она адресована именно ему.

В двух подростковых погребениях Турсумбай II огр. 6/2 и 6/3 за черепами мальчиков были обнаружены раковины. В погребении Ташла-1 2/10 над костяком мальчика в запол-

нении могилы найден клык животного. В крайнем с юга сосуде в погребении Тасты-Бутак 1 огр. 20/3, расположенном над головой, предположительно, мальчика-подростка, находилось «не менее трех бараньих астрагалов».

Женский инвентарь представлен преимущественно украшениями, обнаруженными в 24 (54,5%) погребениях. Отсутствие украшений во многих случаях коррелирует с нарушением погребений (табл. 15). Однако у двух женщин из неодновременных непогребенных захоронений (Ново-Аккермановка огр. 4 и Гурюльдек к. 1) украшений не было.

Таблица 15

Наличие украшений у женщин в кожумбердынских парных погребениях

Возрастная группа	Всего погребений	С украшениями	Без украшений		
	кол-во; %	кол-во; %	Не нарушены	Нарушены	
			кол-во; %	кол-во; %	
	44; 100	23; 52,3	2; 4,5	19; 43,2	
			намеренно 10; 52,6	нормыми животными 9; 47,4	
Взрослые одноврем.	10; 100	7; 70	—	3; 30	—
неодноврем.	9; 100	7; 77,8	2; 22,2	—	—
Взрослый с подростком	4; 100	2; 50	—	2; 50	—
Подростки	13; 100	6; 46,2	—	5; 38,5	2; 15,4
Подросток с ребенком	2; 100	1; 50	—	—	2; 50
Дети одноврем.	5; 100	1; 20	—	—	4; 80
неодноврем.	1; 100	—	—	—	1; 100

Объективную информацию о категориях украшений и особенностях их размещения можно получить только в отношении 10 покойниц из ненарушенных погребений, представленных пятью женщинами из двух одновременных (Байту I огр. 4/1, Ибрагимовский II 9/1) и трех неодновременных (Байту II огр. 9/1, Гурюльдек к. 2, Березовский V к. 6/1) погребений, двумя девушками из погребений взрослого с подростком (Тасты-Бутак 1 огр. 39, Хабарное I I к. 13), двумя девушками из подростковых погребений (Байту I огр. 4/2, Турсумбай II огр. 26/1) и одной девочкой из погребения подростка с ребенком (Ташла-1 к. 4/1) (рис. 11).

Наибольшей насыщенностью выделяется убранство взрослой женщины из неодновременного погребения Байту II огр. 9/1: «...за черепом — одна обоймочка, еще одна такая же обоймочка на груди у шеи, рядом с плоской пластинкой с отверстием. На черепе слева у уха — 2 бронзовых пронизки. На груди... 2 круглых бляхи диаметром 4 см с умбообразным выступом в центре и пунсонным орнаментом по кругу, наложенные одна на другую. На правой руке... надет бронзовый браслет, на левой руке, протянутой к мужчине, надето 2 таких же браслета с несомкнутыми концами, не желобчатые, а массивные, трехгранные в сечении. На пальцах левой руки — следы меди от колец. За спиной и выше таза (на уровне талии) найден ряд украшений, видимо, от пояса: на спине — овальная привеска, выше таза спереди — 2 обоймочки, 2 овальных пластинки с отверстием и 5 спускающихся от пояса к тазу пронизок. На правой ноге... у щиколотки браслет из бус, на левой ноге — такой же браслет, а выше, с наружной стороны ноги, примерно от колена располагаются 2 пластины с отверстием и несколько длинных пронизок» [14, с. 35; 16, рис. 13, 1—16, 23—25]. Украшения, спускающиеся от пояса к тазу и расположенные

ниже от колена по левой ноге, вероятно, находились на свисающих концах пояса (рис. 11, 3). Этот аксессуар одежды весьма редко удастся зафиксировать в женском андроновском костюме [21, с. 96; 29, с. 67; 30, рис. 2].

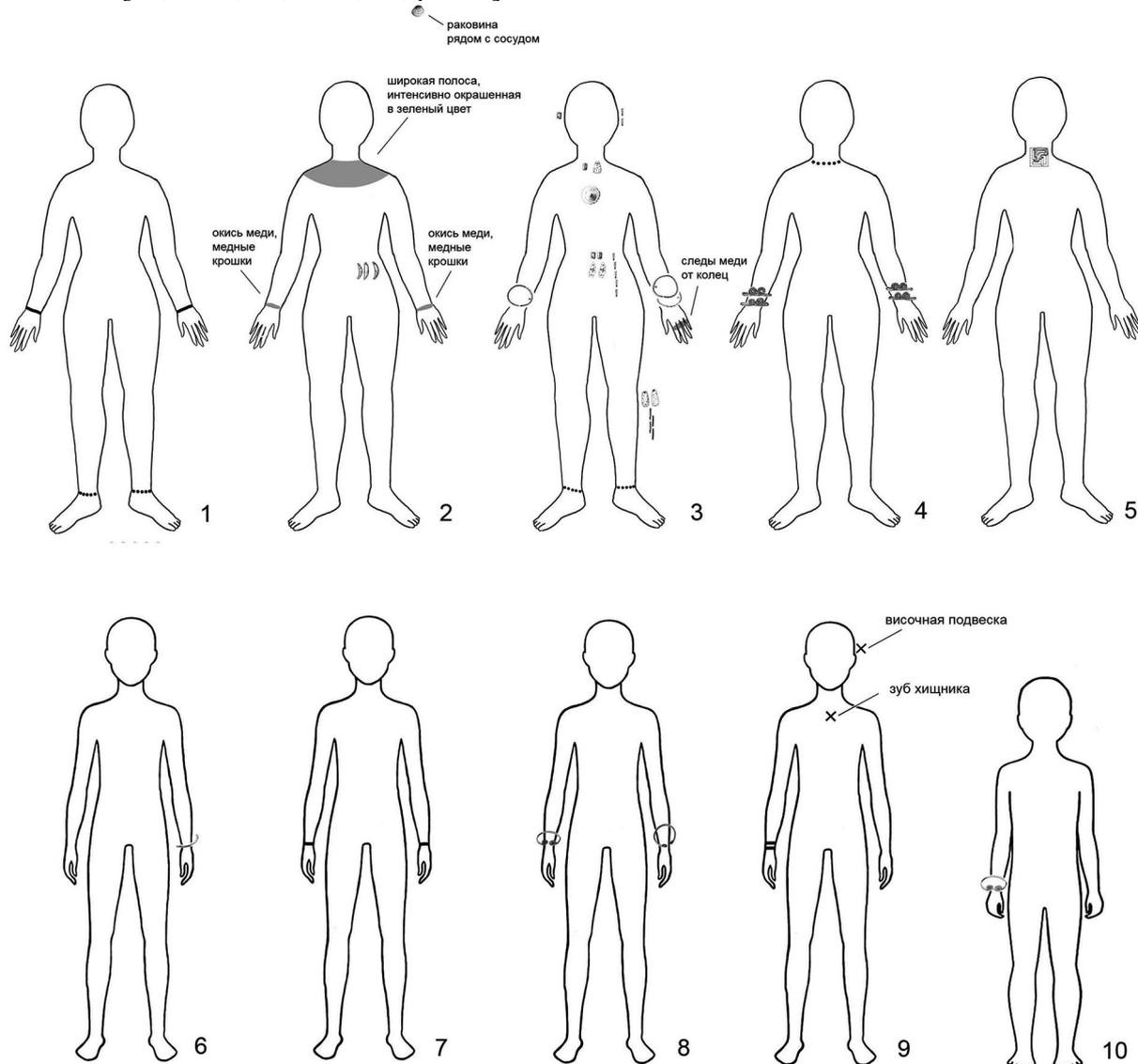

Рис. 11. Расположение украшений на покойницах в ненарушенных парных погребениях кожумбердинской культурной группы. 1, 2 — одновременные парные погребения взрослых: 1 — Ибрагимовский II к. 9/1; 2 — Байту I огр. 4/1; 3—5 — неодновременные погребения взрослых: 3 — Байту II огр. 9/1; 4 — Гурюльдек к. 2; 5 — Березовский V к. 6/1; 6—7 — парные погребения взрослого с подростком: 6 — Тасты-Бутак 1 огр. 39; 7 — Хабарное I к. 13; 9 — парное погребение подростков Турсумбай II огр. 26/1; 10 — парное погребение подростка с ребенком Ташла-1 к. 1/4

В остальных двух неодновременных погребениях состав украшений гораздо скромнее — в Березовском V к. 6/1 это только чокер с прорезной пластинкой в виде свастики в квадрате (рис. 11, 5), в Гурюльдеке к. 2 — пастовые бусы на шее и по два браслета с закрученными в спираль концами на каждой руке (рис. 11, 4).

У женщин из двух одновременных погребений украшения представляли неидентичные комплекты. В Ибрагимовском II 9/1 у покойницы находились браслеты на руках и бронзовые бусы на ногах [7, с. 76] (рис. 11, 1), а у женщины из Байту I 4/1 шейные позвонки, ключица и ребра, а также запястья обеих рук были интенсивно окрашены окислами меди, исходя из чего Е. Е. Кузьмина предположила, что это следы от гривны и брасле-

тов. Выше ее таза находились просверленные зубы лисы и собаки, которые, по мнению исследовательницы, висели на ее поясе [14, с. 41], однако не исключено, что они могли быть подвесками кос. Кроме этого, рядом с сосудом, поставленным у головы женщины, находилась раковина с просверленным отверстием (рис. 11, 2).

Сохранившиеся в нарушенных взрослых погребениях остатки украшений тоже дают некоторые дополнительные данные об убранстве женщин из парных погребений. Из пяти одновременных нарушенных погребений с остатками украшений выделяются три, дающие представление о достаточно нерядовом характере гарнитура украшений. В Кожумберды огр. 3 под скоплением разрозненных костей таза, челюстей и пр. найдены две бронзовые височные подвески, плакированные золотой фольгой, в нарушенной части могилы была обнаружена бронзовая пронизка [17, с. 22—24]. В погребении Урал-сай к. 8 среди перемешанных костей женщины обнаружены «12 медных бус; 2 медных подвески (скорее всего, украшений кос. — Я. Р.); обломок медного браслета (?) со спирально завитым концом» [6, с. 185]. В Тасты-Бутак 1 огр. 38 позади таза женщины находилось несколько бронзовых подвесок и обоймочек, очевидно, являвшихся остатками накося, а на щиколотках ног — бронзовые бусы (рис. 12, 1).

В остальных двух одновременных погребениях взрослых набор оставшихся после нарушения украшений ограничивался весьма немногими: в погребении Кунакбай-сай огр. 2 просверленной раковиной *Pectunculus*, найденной среди костей черепа, и пятью медными бусинками на берцовых костях правой ноги (рис. 12, 2), в Кожумберды огр. 2 — несколькими белыми пастовыми бусинами и «обломками бронзы» [17, с. 21].

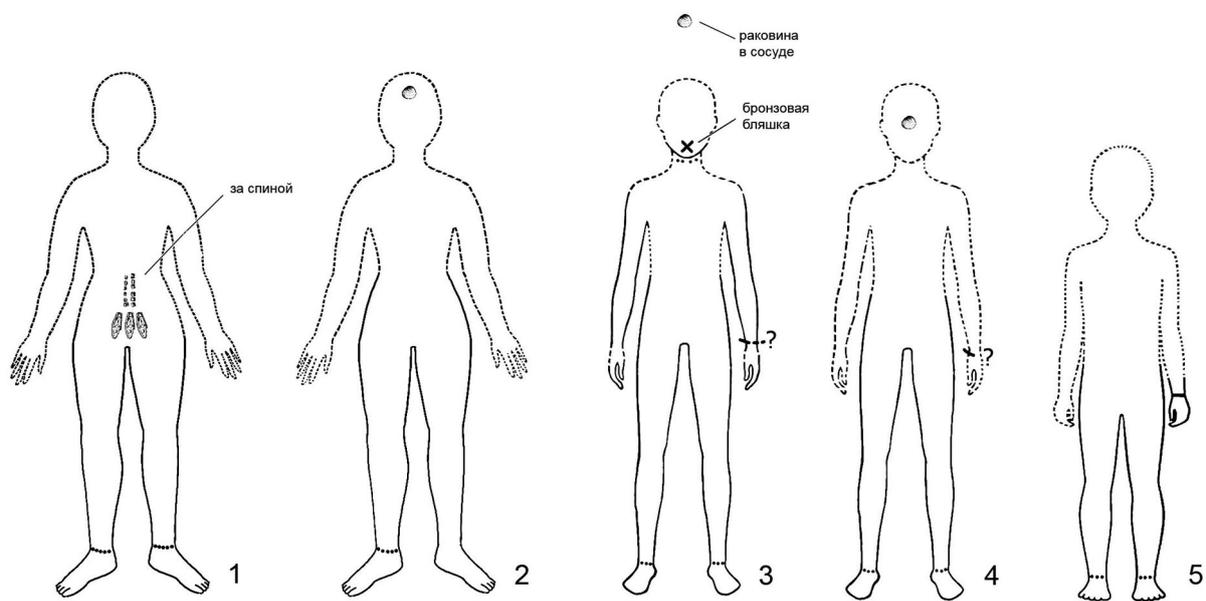

Рис. 12. Расположение украшений на покойницах в нарушенных парных погребениях кожумбердынской культурной группы. 1, 2 — одновременные парные погребения взрослых: 1 — Тасты-Бутак 1 огр. 38; 2 — Кунакбай-сай огр. 2; 3 — Турсумбай II огр. 6/2; 4 — Турсумбай II огр. 6/3; 5 — Тасты-Бутак 1 огр. 25/2

Нарушенные неодновременные погребения в отличие от нарушенных же одновременных не выделялись разнообразием оставшихся там украшений. В заполнении могил огр. 4 и огр. 5 Тасты-Бутока 1 найдены мелкие обломки бронзовых выпукло-вогнутых в сечении браслетов. В огр. 4 помимо них найдено еще несколько бронзовых бусин и каких-то тонких пластинчатых украшений — бляшек или подвесок. В погребении Тасты-Бутак 1 огр. 43 среди обломков костей верхней части скелета женщины находились

три подвески из раковины, а на щиколотках ног — низки бус. Единственная пастовая бусина была обнаружена и на щиколотке женщины из Тасты-Бутак 1 огр. 30/1.

В силу малочисленности данных очень трудно делать определенные выводы при сравнении набора украшений женщин из одновременных и неодновременных погребений. Однако едва проявляемую тенденцию проследить можно. Если исключить из выборки убранство (наряд) женщины с самым разнообразным гарнитуром украшений из Байту I огр. 9/1 в силу до конца не ясного статуса одновременности/неодновременности этого погребения, то наряд женщин из одновременных погребений с учетом привлечения данных и по нарушенным одновременным погребениям выглядит как будто чуть «представительнее». А наряд женщин из неодновременных погребений выглядит более минималистичным, особенно с учетом двух случаев непо потревоженных неодновременных погребений, в которых женщины вообще не имели украшений.

Можно утверждать, что в подавляющем большинстве случаев наличия украшений у женщин в парных погребениях они были не единичными, а составляли комплект, это фиксируется как по целым, так и по нарушенным погребениям. Сочетание украшений в комплекте у каждой женщины очень индивидуально, нет ни одной одинаковой схемы сочетания украшений (табл. 16, рис. 11—12). Только у одной женщины из неодновременного погребения Березовский V к. 6/1 украшение было единственным, но эксклюзивным.

Таблица 16

Зоны расположения украшений у покойниц из ненарушенных погребений

Возрастная группа	Зона расположения украшений	Кол-во
Взрослые		
одновремен.	руки + ноги	1
	голова + шея + руки + пояс	1
неодновремен.	шея	1
	шея + руки	1
	голова + грудь + руки + пояс + ноги	1
Взрослый + подросток	руки (по 1 браслету на каждой)	1
	рука левая (1 браслет)	1
Подростки	голова + шея + рука правая	1
	руки (по 1 браслету на каждой)	1
Подросток + ребенок	рука правая (1 браслет)	1
Дети	—	
Всего:		10

В основном украшения представлены металлическими изделиями, в единичных случаях наряд дополнялся раковинами с отверстиями и зубами хищников. В зависимости от количества зон размещения украшений и количества самих украшений убранство женщин условно можно разделить на простое и сложное. К простому можно отнести наряд женщины из погребения Ибрагимовский II 9/1, условно к простому (с большой оговоркой) — Березовский V к. 6/1, к более сложному из-за парности эффектных браслетов на каждой руке женщины из Гурюльдек к. 2 и сложному — Байту II огр. 9/1. Видимо, к сложному же относится и убранство женщины из Байту I огр. 4/1, где от металлических украшений остались только следы окиси меди. И в нарушенных погребениях, видимо, можно предполагать наличие сложного наряда, так, в Тасты-Бутак 1 огр. 38 остался фрагмент наконечника, в к. 8 найдены остатки разнообразных украшений, наконец, в Кожумберды огр. 3 — бронзовые подвески, плакированные золотом.

Таким образом, наряды взрослых женщин из парных погребений отличаются разнообразием, неповторимостью и по количеству украшений варьируют от скромного до избыточного.

В целом если принять металлоемкость (количество украшений) за критерий богатства, то напрашивается вывод, что в парных погребениях захоранивались женщины с разным уровнем достатка либо разного статуса. Однако это было бы слишком прямолинейным выводом. Выбор украшений, очевидно являвшихся личным имуществом женщины, был детерминирован в первую очередь индивидуальными представлениями каждой женщины об эстетике наряда, в то время неразрывно связанного с сакральными свойствами украшений [21, с. 122—123]. Невозможно иначе, чем оберег (амулет), трактовать чокер со свастикой, вписанной в квадрат. Весьма странным (нерациональным) выглядит вложенность одна в другую двух умбообразных бляшек в форме женских грудных сосков, находящихся на груди у женщины из Байту II огр. 9/1. Вероятно трактование как оберегов (амулетов, талисманов) и зубов лисицы и собаки на поясе у женщины из Байту I огр. 4/2.

В отличие от разнообразного убранства взрослых женщин бросается в глаза однообразие украшений подростков-девочек, причем независимо от того, с кем они были похоронены — со взрослым мужчиной или подростком-мальчиком. Украшения подростков из ненарушенных погребений представлены в большинстве случаев одним видом — браслетами (рис. 11, 6—8).

У девушек из двух погребений взрослого с подростком количество браслетов различно — в Тасты-Бутак 1 огр. 39 у девушки был только один браслет, надетый на левую руку, а в Хабарное I к. 13 на каждой руке девушки было надето по одному браслету. Также по браслету на каждой руке было и у девушки в погребении подростков Байту I 4/2. У девушки из погребения Турсумбай II огр. 26/1 два браслета находились на правой руке, кроме того, у нее с левой стороны черепа была обнаружена бронзовая височная подвеска восьмеркообразной формы и на шее зуб хищника. В двух нарушенных парных подростковых погребениях (Турсумбай II 6/2 и 6/3) помимо обломков браслетов также были найдены остатки иных видов украшений. У обеих покойниц были низки бус на ногах и раковины с отверстием, в Турсумбай II 6/3 раковина была найдена в районе головы, а в Турсумбай II 6/2 — в стоящем над головой девушки сосуде (рис. 12, 3, 4). Кроме того, в последнем случае в районе нижней челюсти девушки были найдены бронзовая округлая бляшка и бронзовые бусины.

В трех подростковых нарушенных погребениях (Тасты-Бутак 1 22/4, Ташла-1 2/10, 2/14) с остатками украшений браслетов не найдено. На ногах девушки из Тасты-Бутак 1 22/4 были низки бус, а в центральной части могилы обнаружены «два украшения в виде обточенных в кружок раковин *Pectunculus aralensis* Roman с отверстиями для подвешивания и клык хищника, также просверленный» [38, с. 19]. В погребении Ташла-1 2/10 в районе черепа девушки найдено 28 серых пастовых бусин, кроме того, в сосуде, приуроченном именно ей, находилось два просверленных клыка животного. В Ташла-1 2/14 среди разрозненных костей найдены подвеска из ракушки-гребешка с круглым отверстием в центре и небольшая бронзовая чешуйка.

Только в единственном детском погребении Тасты-Бутак 1 25/2 найдено украшение — у покойницы на левой руке был браслет с заходящими концами (рис. 12, 5).

Ведущим видом украшений у покойниц из всех возрастных групп являлся браслет, который в ненарушенных погребениях не был обнаружен в единственном случае — у взрослой покойницы из погребения Березовский V 6/1.

У 5 из 9 покойниц с браслетами в непогребенных погребениях они были парными и в равном количестве — по одному (4 случая) и по два (1 случай) распределены по обеим рукам. В 4 случаях браслетами выделялась только одна рука — по одному браслету надето на левую руку покойницы из погребения взрослого с подростком Тасты-Бутак 1 огр. 39 и на правую руку девочки из погребения подростка с ребенком Ташла-1 1/4; два браслета надето на правую руку покойницы из погребения подростков Турсумбай II огр. 26/1 и два браслета на левой руке, а один на правой были у женщины из погребения взрослых Байту II огр. 9/1. Во всех случаях единственные браслеты или два браслета находились на руке покойницы, которая располагалась сверху, и в трех случаях именно она обнимала покойника. Такая же картина и в единственном погребении детей, где у покойницы имелись украшения — единственный браслет находился на левой «обнимающей» руке ребенка.

Разнообразие состава украшений наблюдается только в некоторых погребениях взрослых женщин. У подростков, независимо от возраста захороненного с ним покойника, украшения часто исчерпываются только браслетом/браслетами. Также скудны и украшения детей из погребения подростка с ребенком и детского погребения.

Отчетливо прослеживается тенденция снижения количества покойниц с украшениями в зависимости от их возраста — чем младше, тем реже встречаются у них украшения и резко сокращается их представленность.

В трех погребениях покойницам были приурочены (положены) и иные предметы. В Тасты-Бутак 1 огр. 25/2 вдоль голени девочки находилось семь бараньих астрагалов [38, с. 20]. В Байту I огр. 4/2 на дне сосуда, стоящего над головой девочки-подростка, найден обугленный альчик овцы [14, с. 44]. В погребении Гурюльдек к. 1 трубчатое костяное изделие длиной 10 см и диаметром 1,5 см, оба конца которого были оформлены закраиной, находилось рядом с сосудами со стороны лежащего на левом боку костяка, предположительно женщины [3, с. 267].

Керамика. Количество и местоположение сосудов

Кроме одного нарушенного погребения Ташла 1 2/12, сосуды обнаружены во всех могилах. Количество их надежно установлено в 30 случаях. Как правило, в погребении находилось от одного до трех сосудов. Только единожды в могиле поставлены пять горшков (табл. 17).

В более чем половине случаев, 19 (63,3%) из 30, в погребении находилось по два сосуда. Как правило, эти сосуды располагались у короткой стенки могилы над головами покойных. Только в погребении Ташла-1 2/17 зафиксирована отступающая от нормы их постановка: один сосуд находился за затылком девочки, а другой перед грудью мальчика (рис. 7, 1).

В менее трети случаев, в восьми (26,6%), зафиксировано по три сосуда. В пяти случаях это были погребения взрослых, в двух — детей и в одном — погребение подростков. В двух погребениях — одновременном взрослых Ново-Аккермановка огр. 4 и подростков Ташла-1 2/10 наблюдалось неравномерное их распределение, в обоих случаях двумя сосудами была снабжена покойница, а покойник только одним.

Всего в двух (6,7%) погребениях находилось по одному сосуду. В погребении взрослого с подростком Хабарное I к. 13 он располагался над головой мужчины, а в одновременном погребении Березовский V 6/1 — над головой женщины. Хотя в последнем случае изначально мужчина был снабжен двумя сосудами, обломки которых оказались в засыпке могилы при подхоронении женщины.

Пять сосудов обнаружено только в одном (3,4%) погребении — подростков Тасты-Бутак 1 20/3 и, несмотря на их нечетное количество, они равномерно распределены между покойниками — по два над головой каждого и один посередине (рис. 6, 12).

Таким образом, в большинстве погребений — 26 (86,7%) — наблюдается равное распределение сосудов между усопшими, даже при их нечетном количестве.

В двух из четырех случаев неравного распределения сосудов это были неодновременные погребения взрослых, где приоритет по количеству сосудов был у позднее похороненных покойниц. Видимо, также покойнице были адресованы два сосуда в одновременном погребении подростков Ташла-1 2/10. Только в одном погребении зафиксирован приоритет в постановке сосуда у мужчины — в погребении взрослого с ребенком Хабарное 13 — единственный сосуд был поставлен над головой мужчины.

Таблица 17

Количество сосудов в могилах разных возрастных групп

Возрастная группа	Всего погребений с определенным числом сосудов	Количество сосудов в могиле							
		1 сосуд		2 сосуда		3 сосуда		5 сосудов	
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Взрослые	11	1	9,1	5	45,4	5	45,4		
одновременные	4			2	50	2	50		
неодновременные	7	1	14,3	3	42,8	3	42,8		
Взрослый с подростком	3	1	33,3	2	66,6				
Подростки	8			6	75	1	14,2	1	14,2
Подросток с ребенком	2			2	100				
Дети	6			4	66,7	2	33,3		
одновременные	5			3	60	2	40		
неодновременные	1			1	100				
Всего:	30	2	6,7	19	63,3	8	26,7	1	3,3

В большей части погребений фиксируется равное количество снабжения покойников сосудами, и их постановка осуществлена таким образом, что они адресованы паре как единому целому.

Кости животных

Костями животных сопровождаются три неодновременных погребения взрослых (Березовский V 6/1, Гурюльдек к. 1, Тасты-Бутак 1 огр. 43) и два одновременных — Кожумберды огр. 2 и 3.

Во всех случаях кости животных размещались в головной части могилы. В погребении Тасты-Бутак 1 огр. 43 «два ребра, скорее всего быка, но возможно и лошади, и обломок какой-то плоской кости (козы или овцы?)» находились между двумя сосудами [38, с. 23]. В погребении Березовский V 6/1 рядом с сосудом, расположенным над черепом женщины, находился обломок кости животного, а над головой мужчины ребро крупного животного [43, с. 51—52, рис. 2]. В Гурюльдек к. 1, по сведениям авторов, в западном углу могилы находились фрагменты костей (животного? — Я. Р.) [3, с. 267]. В огр. 2 Кожумберды около стоявшего в юго-западной головной части могилы сосуда находилось ребро «жвачного животного», а в огр. 3 также в головной западной части могилы рядом с сосудами ребра «жвачного животного» [17, с. 21—22].

Несомненно, что в этих случаях кости животных — остатки пищи, сопровождавшей покойников.

Заключение

Выборка 44 кожимбердынских парных погребений состоит из 34 одновременных и 10 неодновременных захоронений. Разнополость покойников по антропологическим ис-

следованиям и наличию украшений у одного из покойников определяется в 26 погребениях, в остальных случаях нет никаких данных, чтобы предполагать однополость покойников.

Возраст покойников, определенный антропологически, охватывает довольно широкий интервал — от 3—4 до 40—60 лет. По сочетанию возраста положенных вместе покойников погребения разделяются на 5 групп: 19 взрослых, 4 взрослого с подростком, 13 подростков, 2 подростка с ребенком и 6 детских. Андроновские парные погребения, позднее отнесенные к кожумбердынским, исследователями трактовались как погребения мужчины и женщины, связанных при жизни супружескими отношениями.

Г. В. Подгаецкий в середине 30-х гг. XX в. считал, что совместное нахождение пары в могиле объясняется умерщвлением бесправной женщины ради погребения с умершим своей смертью мужчиной, что является показателем утверждения патриархального строя в скотоводческом андроновском обществе. Количество известных в то время парных погребений исчислялось единицами.

Во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. в ходе масштабных исследований на территории Восточного Оренбуржья и Западного Казахстана было открыто более двадцати парных погребений. В. С. Сорокин и Е. Е. Кузьмина, касаясь в своих работах этих погребений, полагали, что они являются захоронениями супругов, и при их совершении женщина не умерщвлялась. Оба исследователя придерживались гипотезы о патриархальном характере общества андроновцев, где парные погребения являются свидетельствами, по Е. Е. Кузьминой, парного брака, по В. С. Сорокину — обособления индивидуальной (малой) семьи и той формы брака, нормой которого является прочная связь между мужчиной и женщиной, нерасторжимая даже в смерти.

Погребения взрослых мужчин с покойницами 9—12 лет из могильника Тасты-Бутак 1 привели В. С. Сорокина к выводу о раннем вступлении девочек/девушек в брак. Видимо, эти случаи демонстрируют осознание носителями кожумбердынской культурной традиции возраста индивида 9—12 лет как рубежа окончания детства и допустимости вступления в брак не только для девочек-подростков, но и для мальчиков-подростков, судя по погребению Тасты-Бутак 1 огр. 48. Возможно даже, что в отдельных случаях, при достаточной физиологической зрелости индивида, рубеж 11—12 лет являлся возрастом допущения сексуальных отношений в этой популяции. Значительное количество этнографических и современных свидетельств о раннем возрасте вступления в брак в традиционных обществах всего мира подтверждает мнение В. С. Сорокина. Здесь уместно привести данные конца XIX в. о возрасте невест башкирского народа, жившего и занимавшегося скотоводством на той же территории, что и рассматриваемая древняя популяция, их возраст — 12—13 лет, причем у башкир родители с колыбели договаривались о женитьбе своих детей [25, стб. 36]. Именно этот возрастной интервал — 9—12 лет был принят нами как подростковый при разделении парных погребений на возрастные группы. Не исключено, что в погребениях детей и детей с подростками находились пары, еще не вступившие (в брак) в брачные отношения, а обрученные с колыбели (в очень раннем возрасте).

Положение погребенных является ядром обряда — во всех возрастных группах покойники лежат лицом друг к другу, на очень близком расстоянии и в ряде случаев выявлена поза объятий, которая является выражением интимных отношений между мужчиной и женщиной. Она зафиксирована во всех возрастных группах. Позы объятий разнообразны: это и заключение в объятиях рук одного покойника тела другого (2), объятия руками одного покойника рук другого (1), объятия одной рукой шеи, тела (2), укладывание обеих рук одного покойника на шею другого (1). Во всех случаях объятия односторонние и

преобладают женские (5), мужское единично (1). Не исключено, что в позе объятий покойников воплощено реальное выражение чувств людей, испытываемых ими при жизни. Поза объятий выражена и в положении ног: односторонние объятия, когда ноги одного покойника находятся между ног другого, зафиксированы в одном погребении подростков и взаимные объятия ногами — позиция переплетенных ног, при которой ноги каждого покойника обхватывают ногу другого, такая ситуация фиксируется в четырех подростковых и одном детском погребениях. Не исключено, что подросткам и детям намеренно придавали сексуальные позы, тем самым подчеркивая, что в будущем они были обещаны друг другу как супруги.

Если в отношении положения погребенных картина выглядит единообразной и целостной, то в размерах могил, их локализации на погребальной площадке в многомогильных комплексах, составе и количестве украшений у покойниц четко выражена возрастная дифференциация. Могилы взрослых, за редким исключением, и все могилы взрослого с подростком находились в центре погребальной площадки, в то время как почти половина подростковых погребений, погребения подростков с детьми и за единичным исключением детей находились на периферийных участках. Кроме того, чем младше покойницы, тем реже встречаются у них украшения, и состав украшений взрослых женщин более разнообразен, чем подростков и тем более детей (всего 1 погребение с украшениями).

Признаки социальной дифференциации в группе парных погребений взрослых отмечаются в виде выраженного разделения могильных ям по размерам на средние (8), большие (4) и сверхбольшие (2) и наличия усложненных конструкций у сверхбольших и части больших могил. Ранжированность размеров взрослых могил, вероятнее всего, соответствует различию прижизненного статуса погребенных в них индивидов — чем крупнее могила, тем выше статус погребенных. Причем эта ранжированность не подкрепляется (не поддерживается) инвентарем. В ненарушенных погребениях из категории больших и сверхбольших у мужчин отмечается полное отсутствие инвентаря, а у женщин — набор украшений не самый разнообразный, в одном случае он отсутствовал.

Все это может свидетельствовать о том, что обряд практиковался во всей кожумбердынской популяции независимо от социальной принадлежности индивидов. В этом плане интересны наблюдения Е. Е. Кузьминой относительно могильников Байту I и II, находящихся в 800 м друг от друга, давших синхронные материалы и имевших в своем составе парные погребения. Расположение Байту II на высоком холме и немногочисленность его крупных сооружений в отличие от находящегося на более низком участке Байту I с многочисленными, но меньшими по размеру сооружениями позволило ей предположить, что в Байту II были захоронены «наиболее почитаемые» члены общества [16, с. 42].

Именно в кожумбердынской культурной группе на сегодняшний день сосредоточена основная часть алакульских неодновременных парных погребений (10 из 11), в которых представлены как подхоронения женщины к мужчине, так и мужчины к женщине, что иначе чем захоронениями супругов, умерших в разное время, объяснить пока невозможно. Показательным в плане наличия крепких семейных связей, возможно, является погребение Урал-сай огр. 9, в котором к ранее захороненному в могиле мужчине подхоронили женщину с ребенком [6, с. 186, рис. 17; 37, с. 106—107, рис. 13].

Индивиды из парных погребений разных возрастных групп к моменту смерти могли находиться на разных стадиях (этапах) санкционированного обществом союза мужчины и женщины: обручение, реальный брак.

Таким образом, и на сегодняшний день наиболее обоснованной гипотезой, объясняющей кожумбердынские парные погребения, является та, согласно которой пары, нахо-

дящиеся в них, объединены брачными узами: взрослые пары и пары взрослого с подростком были реальными супругами, а пары подростков и детей — обрученными.

Вопрос о ситуациях, приводивших к тому, что пара захоранивалась одновременно, на данный момент остается открытым. Пример из Михайловского II могильника в степном Поволжье, в останках которых обнаружили ДНК бубонной чумы [10], показывает, что это могли быть жертвы эпидемий. Нельзя исключать и гипотетических ситуаций, которые невозможно подтвердить объективными данными, — добровольный уход одного из супругов из жизни, а также и умерщвление одного из супругов (или обоих). Здесь в какой-то мере объективными данными могли бы служить следы травм на костях покойников, например, как у скелета, лежавшего на правом боку в погребении Тасты-Бутак 1 огр. 20/3, у которого В. В. Гинзбургом в затылочной области черепа отмечены следы удара тупым орудием [5, с. 188], но мы не можем сказать, был ли этот удар причиной смерти, поскольку антрополог об этом умалчивает. Нельзя исключать, что умерщвление или самоумерщвление одного или обоих индивидов из парных погребений могло иметь место и выполняться согласно каким-то религиозным канонам (нормам), но у нас нет доказательств этому.

О генезисе кожумбердынских парных погребений говорить сложно, поскольку вопрос об исходном звене самого культурного образования остается открытым. Однако территориальная и культурная близость с западноалакульской культурной группой (соль-илецкой), где одним из истоков парных погребений являются покровские [34], и срубно-алакульской группой, население которой в определенной мере наследует петровской и синташтинской обрядности, в которой также известны парные погребения [23], позволяет предполагать и корни кожумбердынских парных погребений в круге этих же культур.

Список источников

1. Алексеев В. П. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Науч. тр. Ташкентского гос. ун-та. Ташкент : ТашГУ, 1964. Вып. 235. С. 20—28.
2. Артамонов М. И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7—8. С. 108—125.
3. Бисембаев А. А., Умрихин С. М. Могильник эпохи поздней бронзы в Актюбинской области // Краткие сообщения Института археологии. 2011. Вып. 225. С. 263—274.
4. Васильев В. Н., Федоров В. К., Рафикова Я. В. Новые погребальные памятники эпохи бронзы из Оренбургского Зауралья // Уфимский археологический вестник. 2008. Вып. 8. С. 39—43.
5. Гинзбург В. В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы (захоронения могильника Тасты-Бутак 1 в Актюбинской области) // Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М. : Л. : Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние, 1962. С. 186—198. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 120).
6. Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: Антропологические очерки / под ред. С. И. Руденко. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. С. 172—221. (Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 11. Сер. Казакстанская).
7. Денисов И. В., Иванов В. А., Исмагилов Р. Б. Новые древности с территории Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья : сб. статей. Оренбург, 2001. Вып. 5. С. 75—90.
8. Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья. М. : Наука, 1977. 240 с.
9. Комарова М. Н. Черепа бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: Антропологические очерки / под ред. С. И. Руденко. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. С. 222—237. (Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 11. Сер. Казакстанская).
10. Кондрашин В. В., Иванова Н. В., Хохлов А. А., Цибин В. А. Археологический контекст погребений с древнейшей чумой Михайловского II могильника в степном Поволжье // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 313—321.

11. Корочкова О. Н., Стефанов В. И. О некоторых особенностях погребальной практики населения алакульской культуры в Зауралье // XIV Уральское археологическое совещание (21—24 апр. 1999 г.) : тез. докл. / отв. ред. С. А. Григорьев. Челябинск : Рифей, 1999. С. 81—82.
12. Кривцова-Гракова О. А. Кожумбердынский могильник: Выдержки из дневника раскопок // Труды ГИМ. 1947. Вып. XVII. С. 165—169.
13. Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы. М. : Соцэкгиз, 1935. 176 с. (Известия ГАИМК. Вып. 119).
14. Кузьмина Е. Е. Отчет о работе Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции 1961 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2372. 67 л.
15. Кузьмина Е. Е. Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции за 1962 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2500. 44 л.
16. Кузьмина Е. Е. Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда) // Краткие сообщения Института археологии. 1964. № 97. С. 39—49.
17. Кузьмина Е. Е. Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции 1965 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 3081.
18. Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М. : МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994. 464 с.
19. Кузьмина Е. Е. Арии — путь на юг. М. : СПб. : Летний сад, 2008. 558 с.
20. Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе : ПринтА, 2008. 360 с.
21. Куприянова Е. В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск : АвтоГраф, 2008. 244 с.
22. Куприянова Е. В. Следы постпогребальной деятельности в могильниках эпохи бронзы: ограбление или обряд? (На примере памятников у с. Степное) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб. : ИИМК РАН, 2016. С. 84—95. (Труды ИИМК РАН. Т. 46).
23. Куприянова Е. В. «Мужская» и «женская» модель в погребальной обрядности бронзового века в Южном Зауралье // Мужской и женский мир в отражении археологии : материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф., Уфа, 19—22 нояб. 2018 г. Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 33—43.
24. Молодин В. И., Дураков И. А., Хансен С., Ненахов Д. А., Ненахова Ю. Н., Райнхольд С., Кобелева Л. С., Мыльникова Л. Н., Селин Д. В., Ефремова Н. С., Швецова Е. С., Бобин Д. Н., Борзых К. А. Особенности погребальной практики носителей андроновской (федоровской) культуры северо-западной части могильника Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. 26. С. 484—492. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.484-492.
25. Назаров П. С. Предварительный отчет о поездке в Башкирию (окончание) // Дневник антропологического отдела. М. : Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1890. Вып. 2. Стб. 33—37. (Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете, т. 68. Тр. Антропологического отдела, т. 12).
26. Нечвалода А. И. Палеоантропология могильника Ташла-1 // Савельев Н. С., Рафикова Я. В. Могильник Ташла-1 и поселение Ташла-2 эпохи бронзы в Башкирском Зауралье. Рукопись // Личный архив автора.
27. Подгаецкий Г. В. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // Материалы и исследования по археологии СССР. 1940. № 1. С. 69—82.
28. Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В. «Ограбление» могил в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдииков. Казань : Отечество, 2014. Т. 1. С. 628—631.
29. Потемкина Т. М. Украшения из могильника эпохи бронзы Дашти-Козы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 62—72.
30. Потемкина Т. М., Усманова Э. Р. Реконструкция костюма из могильника Дашти-Козы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 73—78.
31. Рафикова Я. В. Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях : сб. памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 228—243.
32. Рафикова Я. В. Каменные кольцевые конструкции в курганах срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: Современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. Н. Г. Рутто, Уфа, 20 мая 2016 г. / отв. ред. И. И. Бахшиев. Уфа : Диалог, 2016. С. 235—248.

33. Рафикова Я. В. Неодновременные парные погребения из алакульских могильников Южного Урала и Западного Казахстана // Мужской и женский мир в отражении археологии : материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф., Уфа, 19—22 нояб. 2018 г. Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 50—62.
34. Рафикова Я. В. Парные погребения западноалакульской (соль-илецкой) культурной группы: хронология, генезис, интерпретация // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 3 (31). С. 173—208. URL: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/13_31_2019.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.31.13.
35. Рафикова Я. В. Нарушенные парные погребения кожумбердынской культурной группы эпохи поздней бронзы Южного Зауралья // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14, № 3. С. 501—514. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-501-514.
36. Рафикова Я. В., Савельев Н. С. Парные погребения могильника эпохи поздней бронзы Ташла-I в Башкирском Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. / отв. ред. А. Д. Таиров. Челябинск : Чел. ГKM, 2015. С. 151—159.
37. Савельев Н. С. Научный отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Акъярского водохранилища на р. Ташла (курганный могильник Ташла-1 и поселение Ташла-2) в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан, проводившихся осенью 1997 года // Личный архив Н. С. Савельева. 195 с.
38. Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М. : Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 207 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 120).
39. Ткачев В. В. К вопросу о памятниках кожумбердынского типа эпохи бронзы Уральско-Мугоджарского региона // *Российская археология*. 2012. № 1. С. 155—159.
40. Ткачев В. В. Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы на западной периферии алакульского ареала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 68—77.
41. Ткачев В. В. Горно-металлургическое производство в структуре хозяйственно-культурных моделей западной периферии алакульской культуры // *Уральский исторический вестник*. 2019. № 1. С. 38—47. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-38-47.
42. Усманова Э. Р. Символические и разрушенные захоронения в «тексте» андроновского погребального обряда (по материалам памятников Лисаковской округи II тыс. до н.э.) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб. : ИИМК РАН, 2016. С. 56—71. (Тр. ИИМК РАН. Т. 46).
43. Федоров В. К., Рафикова Я. В. Березовский V курганный могильник эпохи бронзы в Южном Зауралье // Башкирский край. 1996. Вып. 6. С. 49—71.
44. Федорова-Давыдова Э. А. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции ГИМ 1959 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 1929. 24 л.

References

1. Alekseev V. P. Antropologicheskii tip naseleniya zapadnykh raionov rasprostraneniya andronovskoi kul'tury [Anthropological type of the population of the western regions with the spread of the Andronovo culture]. *Problemy etnicheskoi antropologii Srednei Azii. Nauch. tr. Tashkentskogo gos. un-ta* [Problems of ethnic anthropology of Central Asia. Scientific works of Tashkent State University]. Tashkent, TashGU Publ., 1964, is. 235, pp. 20—28. (In Russian)
2. Artamonov M. I. Sovmestnye pogrebeniya v kurganakh so skorchennymi i okrashennymi kostyakami [Joint burials in mounds with crumpled and painted bones]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv*, 1934, no. 7—8, pp. 108—125. (In Russian)
3. Bisembaev A. A., Umrikhailin S. M. Mogil'nik epokhi pozdnei bronzy v Aktyubinskoi oblasti [Late Bronze Age burial ground in the Aktobe region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archeology]. 2011, is. 225, pp. 263—274. (In Russian)
4. Vasil'ev V. N., Fedorov V. K., Rafikova Ya. V. Novye pogrebal'nye pamyatniki epokhi bronzy iz Orenburgskogo Zaural'ya [New Bronze Age funerary monuments from the Orenburg Trans-Urals]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik — Ufa Archaeological Herald*, 2008, is. 8, pp. 39—43. (In Russian)
5. Ginzburg V. V. Materialy k antropologii naseleniya Zapadnogo Kazakhstana v epokhu bronzy (zakhoroneniya mogil'nika Tasty-Butak 1 v Aktyubinskoi oblasti) [Materials on the anthropology of the population of Western Kazakhstan in the Bronze Age (burials of the Tasty-Butak 1 burial ground in the Aktobe region)]. Sorokin V. S. *Mogil'nik bronzovoi epokhi Tasty-Butak I v Zapadnom Kazakhstane* [Bronze Age burial ground Tasty-Butak I in Western Kazakhstan]. Moscow, Leningrad, Akad. nauk SSSR. Leningr. otd-nie Publ., 1962, pp. 186—198. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, no. 120). (In Russian)

6. Gryaznov M. P. Pogrebeniya bronzovoi epokhi v Zapadnom Kazakhstane [Bronze Age burials in Western Kazakhstan]. *Kazaki: Antropologicheskie ocherki* [Cossacks: Anthropological Essays]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1927, pp. 172—221. (In Russian)
7. Denisov I. V., Ivanov V. A., Ismagilov R. B. Novye drevnosti s territorii Yuzhnogo Urala [New antiquities from the territory of the Southern Urals]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya: sb. statei* [Archaeological monuments of the Orenburg region. Collect. articles]. Orenburg, 2001, is. 5, pp. 75—90. (In Russian)
8. Itina M. A. *Istoriya stepnykh plemen Yuzhnogo Priaral'ya* [History of the steppe tribes of the Southern Aral Sea region]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 240 p. (In Russian)
9. Komarova M. N. Cherepa bronzovoi epokhi v Zapadnom Kazakhstane [Skulls of the Bronze Age in Western Kazakhstan]. *Kazaki: Antropologicheskie ocherki* [Kazakhs: Anthropological essays]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1927, pp. 222—237. (Materialy Osobogo komiteta po issledovaniyu soyuznykh i avtonomnykh respublik, is. 11. Ser. Kazakstanskaya). (In Russian)
10. Kondrashin V. V., Ivanova N. V., Khokhlov A. A., Tsibin V. A. Arkheologicheskii kontekst pogrebenii s drevneishei chumoi Mikhailovskogo II mogil'nika v stepnom Povolzh'e [Archaeological context of burials with ancient plague of Mikhailovsky II burial mound in the Steppe Volga Region]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei — The Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2022, no. 2, pp. 313—321. (In Russian)
11. Korochkova O. N., Stefanov V. I. O nekotorykh osobennostyakh pogrebal'noi praktiki naseleniya alakul'skoi kul'tury v Zaural'e [On some features of the burial practice of the population of the Alakul culture in the Trans-Urals]. *XIV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21—24 apr. 1999 g.): tez. dokl.* [XIV Ural Archaeological Meeting (Apr. 21—24, 1999). Abst. reports]. Chelyabinsk, Rifei Publ., 1999, pp. 81—82. (In Russian)
12. Krivtsova-Grakova O. A. Kozhumberdinskii mogil'nik: Vyderzhki iz dnevnika raskopok [Kozhumberdy burial ground: Excerpts from the diary of excavations]. *Trudy GIM* [Proceedings of the State Historical Museum], 1947, is. XVII, pp. 165—169. (In Russian)
13. Kruglov A. P., Podgaetskii G. V. *Rodovoe obshchestvo stepei Vostochnoi Evropy* [Tribal society of the steppes of Eastern Europe]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1935. 176 p. (Izvestiya GAIMK, is. 119). (In Russian)
14. Kuz'mina E. E. Otchet o rabote Elenovskogo otryada Orenburgskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1961 g. [Report on the work of the Elenovsky detachment of the Orenburg archaeological expedition in 1961]. *Nauchno-otraslevoi arkhiv Instituta arkheologii RAN* [Scientific archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. F-1. R-1. No. 2372. 67 l. (In Russian)
15. Kuz'mina E. E. Otchet Elenovskogo otryada Orenburgskoi arkheologicheskoi ekspeditsii za 1962 g. [Report of the Elenovsky detachment of the Orenburg archaeological expedition for 1962]. *Nauchno-otraslevoi arkhiv Instituta arkheologii RAN* [Scientific archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. F-1. R-1. No. 2500. 44 l. (In Russian)
16. Kuz'mina E. E. Andronovskie mogil'niki na r. Baitu (o nekotorykh detalyakh andronovskogo pogrebal'nogo obryada) [Andronovo burial grounds on the Baytu river (about some details of the Andronovo funeral rite)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archeology], 1964, no. 97, pp. 39—49. (In Russian)
17. Kuz'mina E. E. Otchet Elenovskogo otryada Orenburgskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1965 g. [Report of the Elenovsky detachment of the Orenburg archaeological expedition of 1965]. *Nauchno-otraslevoi arkhiv Instituta arkheologii RAN* [Scientific archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. F-1. R-1. No. 3081. (In Russian)
18. Kuz'mina E. E. *Otkuda prishli indoarii? Material'naya kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev* [Where did the Indo-Aryans come from? Material culture of the tribes of the Andronovo community and the origin of the Indo-Iranians]. Moscow, MGP "Kalina" VINITI RAN Publ., 1994. 464 p. (In Russian)
19. Kuz'mina E. E. *Arii — put'na yug* [Ariars — the path to the south]. Moscow, St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2008. 558 p. (In Russian)
20. Kuz'mina E. E. *Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoi kul'turnoi obshchnosti* [Classification and periodization of monuments of the Andronovo cultural community]. Aktobe, PrintA Publ., 2008. 360 p. (In Russian)
21. Kupriyanova E. V. *Ten' zhenshchiny: zhenskii kostyum epokhi bronzy kak "tekst" (po materialam nekropolei Yuzhnogo Zaural'ya i Kazakhstana)* [Shadow of a woman: women's costume of the Bronze Age as a "text" (based on materials from the necropolises of the Southern Trans-Urals and Kazakhstan)]. Chelyabinsk, AvtoGraf Publ., 2008. 244 p. (In Russian)
22. Kupriyanova E. V. Sledy postpogrebal'noi deyatelnosti v mogil'nikakh epokhi bronzy: ograblenie ili obryad? (Na primere pamyatnikov u s. Stepnoe) [Traces of post-funeral activity in Bronze Age burial grounds: robbery or ritual? (On the example of monuments near the village of Stepnoe)]. *Drevnie nekropoli i poseleniya:*

postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya [Ancient necropolises and settlements: post-funeral rituals, symbolic burials and robberies]. St. Petersburg, IIMK RAN Publ., 2016, pp. 84—95. (Trudy IIMK RAN. Vol. 46). (In Russian)

23. Kupriyanova E. V. “Muzhskaya” i “zhenskaya” model' v pogrebal'noi obryadnosti bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e ["Male" and "female" model in the funeral rituals of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. *Muzhskoi i zhenskii mir v otrazhenii arkheologii: materialy Vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch. konf., Ufa, 19—22 noyab. 2018 g.* [Male and female world in the reflection of archeology. Proceed. of All-Russia with Internat. participation sci. conf., Ufa, Nov. 19—22, 2018]. Ufa, IYYaL UFITs RAN Publ., 2018, pp. 33—43. (In Russian)

24. Molodin V. I., Durakov I. A., Khansen S., Nenakhov D. A., Nenakhova Yu. N., Rainkol'd S., Kobeleva L. S., Myl'nikova L. N., Selin D. V., Efremova N. S., Shvetsova E. S., Bobin D. N., Borzykh K. A. Osobennosti pogrebal'noi praktiki nositelei andronovskoi (fedorovskoi) kul'tury severo-zapadnoi chasti mogil'nika Tartas-1 [Features of the burial practices of the Andronovo (Fedorovka) culture carriers in the northwestern part of the Tartas-1 burial ground]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ., 2020, vol. 26, pp. 484—492. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.484-492. (In Russian)

25. Nazarov P. S. Predvaritel'nyi otchet o poezdke v Bashkiriyu (okonchanie) [Preliminary report on the trip to Bashkiria (end)]. *Dnevnik antropologicheskogo otdela* [Diary of the anthropological department]. Moscow, T-vo Skoropechatni A. A. Levenson Publ., 1890, is. 2, Stb. 33—37. (Izvestiya Obshchestva lyubiteli estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri Moskovskom universitete, vol. 68. Tr. Antropologicheskogo otdela, vol. 12). (In Russian)

26. Nechvaloda A. I. Paleoantropologiya mogil'nika Tashla-1 [Paleoanthropology of the Tashla-1 burial ground]. Savel'ev N. S., Rafikova Ya. V. *Mogil'nik Tashla-1 i poselenie Tashla-2 epokhi bronzy v Bashkirskom Zaural'e. Rukopis'* [Tashla-1 burial ground and the Tashla-2 settlement of the Bronze Age in the Bashkir Trans-Urals. Manuscript]. *Lichnyi arkhiv avtora* [Personal archive of the author]. (In Russian)

27. Podgaetskii G. V. Mogil'nik epokhi bronzy bliz g. Orska [Bronze Age burial ground near Orsk]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR], 1940, no. 1, pp. 69—82. (In Russian)

28. Podobed V. A., Usachuk A. N., Tsimidanov V. V. “Ograblenie” mogil v kul'turakh epokhi bronzy stepnoi i lesostepnoi Evrazii [“Robbery” of graves in Bronze Age cultures of steppe and forest-steppe Eurasia]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russia Archaeological Congress in Kazan]. Kazan, Otechestvo Publ., 2014, vol. 1, pp. 628—631. (In Russian)

29. Potemkina T. M. Ukrasheniya iz mogil'nika epokhi bronzy Dashti-Kozy [Ornaments from the Burial Ground Dashti-Kozy]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2001, is. 3, pp. 62—72. (In Russian)

30. Potemkina T. M., Usmanova E. R. Rekonstruktsiya kostyuma iz mogil'nika Dashti-Kozy [Reconstruction of a Costume from the Burial Ground Dashti-Kozy]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2001, is. 3, pp. 73—78. (In Russian)

31. Rafikova Ya. V. Parnye pogrebeniya alakul'skoi kul'tury na Yuzhnom Urale [Paired burials of the Alakul culture in the Southern Urals]. *Arii stepei Evrazii: Epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh: sb. pamyati E. E. Kuz'minoy* [Aryans of the Eurasian steppes: The Bronze and Early Iron Age in the Eurasian steppes and adjacent territories. Collection in memory of E. E. Kuzmina]. Barnaul, Alt. gos. un-t Publ., 2014, pp. 228—243. (In Russian)

32. Rafikova Ya. V. Kamennye kol'tsevye konstruktssii v kurganakh srubno-alakul'skoi kontaktnoi zony Yuzhnogo Zaural'ya [Stone ring structures in the mounds of the Srubno-Alakul contact zone of the Southern Trans-Urals]. *Istoriko-kul'turnye protsessy na Yuzhnom Urale v epokhu pozdnei bronzy: Sovremennye problemy izucheniya i sokhraneniya kul'turnogo naslediya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 70-letiyu so dnya rozhd. N. G. Rutto, Ufa, 20 maya 2016 g.* [Historical and cultural processes in the Southern Urals in the Late Bronze Age: Modern problems of studying and preserving cultural heritage. Proceed. of the All-Russia sci.-pract. conf., dedicated 70th birthday N. G. Rutto, Ufa, May 20, 2016]. Ufa, Dialog Publ., 2016, pp. 235—248. (In Russian)

33. Rafikova Ya. V. Neodnovremennye parnye pogrebeniya iz alakul'skikh mogil'nikov Yuzhnogo Urala i Zapadnogo Kazakhstana [Non-simultaneous paired burials from the Alakul burial grounds of the Southern Urals and Western Kazakhstan]. *Muzhskoi i zhenskii mir v otrazhenii arkheologii: materialy Vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch. konf., Ufa, 19—22 noyab. 2018 g.* [Male and female world in the reflection of archeology. Proceed. of All-Russia with Internat. participation sci. conf., Ufa, Nov. 19—22, 2018]. Ufa, IYYaL UFITs RAN Publ., 2018, pp. 50—62. (In Russian)

34. Rafikova Ya. V. Parnye pogrebeniya zapadnoalakul'skoi (sol'-iletskoi) kul'turnoi gruppy: khronologiya, genesis, interpretatsiya [West-Alakul (Sol-Iletsk) Paired Burials: Chronology, Genesis, Interpretation]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of*

Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal, 2019, no. 3 (31), pp. 173—208. Available at: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/13_31_2019.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.31.13. (In Russian)

35. Rafikova Ya. V. Narushennye parnye pogrebeniya kozhumberdyskoi kul'turnoi gruppy epokhi pozdnei bronzy Yuzhnogo Zaural'ya [Disturbed Paired Burials of Kozhumberdy Cultural Group, Late Bronze Southern Urals]. *Oriental Studies*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 501—514. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-501-514. (In Russian)

36. Rafikova Ya. V., Savel'ev N. S. Parnye pogrebeniya mogil'nika epokhi pozdnei bronzy Tashla-I v Bashkirskom Zaural'e [Paired burials of the Late Bronze Age burial ground Tashla-I in the Bashkir Trans-Urals]. *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vseros. nauch. konf.* [Ethnic interactions in the Southern Urals. Proceed. of the VI All-Russia sci. conf.]. Chelyabinsk, Chel. GKM Publ., 2015, pp. 151—159. (In Russian)

37. Savel'ev N. S. Nauchnyi otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniyakh v zone stroitel'stva Ak'yarskogo vodokhranilishcha na r. Tashla (kurgannyi mogil'nik Tashla-1 i poselenie Tashla-2) v Khaibullinskom raione Respubliki Bashkortostan, provodivshikhsya osen'yu 1997 goda [Scientific report on archaeological research in the construction area of the Akyar reservoir on the river. Tashla (mound burial ground Tashla-1 and settlement Tashla-2) in the Khaibullinsky district of the Republic of Bashkortostan, carried out in the fall of 1997]. *Lichnyi arkhiv N. S. Savel'eva* [Personal archive of N. S. Savel'ev]. 195 p. (In Russian)

38. Sorokin V. S. *Mogil'nik bronzovoi epokhi Tasty-Butak I v Zapadnom Kazakhstane* [Bronze Age burial ground Tasty-Butak I in Western Kazakhstan]. Moscow, Leningrad, Akad. nauk SSSR Publ., 1962. 207 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, no. 120). (In Russian)

39. Tkachev V. V. K voprosu o pamyatnikakh kozhumberdyskogo tipa epokhi bronzy Ural'sko-Mugodzharskogo regiona [Towards the issue of Bronze Age sites of the Kozhumberdy type in the Urals-Mugodzhary region]. *Rossiiskaya arkheologiya — Russian Archaeology*, 2012, no. 1, pp. 155—159. (In Russian)

40. Tkachev V. V. Radiouglerodnaya khronologiya kozhumberdyskoi kul'turnoi gruppy na zapadnoi periferii alakul'skogo areala [Radiocarbon chronology of Kozhumberdy cultural group on the Western periphery of the Alakul area]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2016, no. 3 (34), pp. 68—77. (In Russian)

41. Tkachev V. V. Gorno-metallurgicheskoe proizvodstvo v strukture khozyaistvenno-kul'turnykh modelei zapadnoi periferii alakul'skoi kul'tury [Mining and metallurgical production in the structure of economic and cultural models of the western periphery of Alakul culture]. *Ural'skii istoricheskii vestnik — Ural Historical Journal*, 2019, no. 1, pp. 38—47. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-38-47. (In Russian)

42. Usmanova E. R. Simvolicheskie i razrushennye zakhoroneniya v "tekste" andronovskogo pogrebal'nogo obryada (po materialam pamyatnikov Lisakovskoi okrugi II tys. do n.e.) [Symbolic and destroyed burials in the "text" of the Andronovo funeral rite (based on materials from the monuments of the Lisakovo district of the 2nd millennium BC)]. *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya* [Ancient necropolises and settlements: post-funeral rituals, symbolic burials and robberies]. St. Petersburg, IIMK RAN Publ., 2016, pp. 56—71. (Tr. IIMK RAN. Vol. 46). (In Russian)

43. Fedorov V. K., Rafikova Ya. V. Berezovskii V kurgannyi mogil'nik epokhi bronzy v Yuzhnom Zaural'e [Berezovsky V burial mound of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. *Bashkirskii krai*, 1996, is. 6, pp. 49—71. (In Russian)

44. Fedorova-Davydova E. A. Otchet o rabote Orenburgskoi arkheologicheskoi ekspeditsii GIM 1959 g. [Report on the work of the Orenburg archaeological expedition of the State Historical Museum in 1959]. *Nauchno-otraslevoi arkhiv Instituta arkheologii RAN* [Scientific archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. F-1. R-1, no. 1929. 24 l. (In Russian)

Информация об авторе

Я. В. Рафикова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований

Information about the author

Ya. V. Rafikova — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archaeological Research

Статья поступила в редакцию 13.07.2023; одобрена после рецензирования 05.08.2023;
принята к публикации 20.11.2023

The article was submitted 13.07.2023; approved after reviewing 05.08.2023;
accepted for publication 20.11.2023